

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

**ЛЮБОВНИЦА
АВТОРИТЕТА**

Владимир Григорьевич Колычев

Любовница авторитета

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10254043

Владимир Колычев. Любовница авторитета: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-78294-9

Аннотация

Предпринимателю Глебу Батыгину неизвестные проломили голову, когда тот направлялся в гости к любовнице. Расследование поручают капитану Максиму Одинцову. Сначала следователь решает, что бизнесмен стал жертвой банды убийц-автоугонщиков, которые за последний месяц отправили на тот свет уже четверых владельцев дорогих иномарок. Однако машина Батыгина осталась нетронутой, и этот факт наводит Одинцова на мысль, что бизнесмена пытались убить либо конкуренты, либо кто-то из ближайшего окружения. Капитан составляет список подозреваемых, в который, к его удивлению, попали преимущественно представительницы слабого пола. Оказывается, в смерти Батыгина были заинтересованы в первую очередь его жена и любовница...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	68
Глава 8	83
Глава 9	95
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Владимир Колычев

Любовница авторитета

© Колычев В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Высокий тополь качался на ветру, размахивая ветвями в пышных листовых рукавах. Рядом с ним высилась темнохвойная ель с утонченными раскидистыми лапами. Ветер ей досаждал, но ветвями она шевелила, как манерная женщина руками – кокетливо, жеманно. Разбушевавшийся тополь как будто зло выговаривал ей, а она вздыхала, как женщина, которая и должна была, но не хотела признавать свою вину...

– Ты не можешь быть с ним! Не можешь!

Отношения выясняли не только деревья.

В летнем кафе за столиком сидели двое. Средних лет остроносый мужчина в коричневом замшевом пиджаке похож был на бойцовского петуха после неудачной драки – распоясанный, взбудораженный, всклокоченный, в глазах злость и обида. Молодая худосочная женщина с большими красивыми глазами слушала его, плотно сжав губы. И пока разговор шел в спокойном тоне, она ложечкой неторопливо размешивала сахар в чашечке с кофе, а когда мужчина повысил голос, возмущенно глянула на него.

Затем она с досадой посмотрела на невольного свидетеля разговора – рослого широкоплечего мужчину с бритой головой, который сидел за столиком неподалеку. Женщина не хотела привлекать к себе внимание, возможно, поэтому и выбрала для объяснений малоизвестное кафе на окраине

городского парка. Место здесь тихое, обычно посетителей немного, а сейчас, в облачную ветреную погоду, и вовсе их быть не должно.

Но, по стечению обстоятельств, здесь оказался капитан Одинцов. В этом кафе он ждал своего агента из криминальной среды: хотел узнать информацию об одном домушнике. Он находился здесь, не обращая внимания на страсти, кипящие вокруг. Натура у него не впечатлительная, характер черствый, непробиваемый, и пока общественный порядок не нарушается, он будет сидеть ровно...

– Ты слышишь меня? – разбушевался остроносый мужчина.

Он потянулся через стол, схватил женщину за предплечье, но удержать ее не смог. Она раздраженно вырвала руку, поднялась и рванула к выходу. Мужчина вскочил со своего места, догнал ее, сгреб в охапку, пытаясь удержать.

А удержать ее, казалось, было совсем нетрудно. Она была невысокая, худотелая, тонконогая – одним словом, легкая как пушинка.

– Пусти! – сквозь зубы потребовала женщина.

При этом она прожигала взглядом сидящего неподалеку Одинцова так, будто он являлся виновником ее бед. Как будто он удерживал ее, а не кто-то другой.

Одинцов находился при исполнении, да и как мужчина он обязан был помочь женщине, но вмешиваться не хотелось. Когда милые бранятся – третьему в эту потеху лучше

не лезть. Уж он-то эту истину на своей шкуре прочувствовал, даже шрам на руке от ножа остался. Был случай, муж избивал жену, он по долгу службы заступился. Дебошира заломал, а когда взялся за наручники, жена за нож схватилась... А у этой худосочной ногти как лезвия...

Но эта особа стоила того, чтобы рискнуть из-за нее своим здоровьем. И хрупкая она, и красивая, и сексуальная, несмотря на худобу. Или благодаря этому. Даже практически нулевой размер груди ничуть не портил ее, возможно даже, наоборот. Густые осветленные волосы, стрижка в стиле «Гарсон», короткое белое платье под бордовым жакетом, босоножки на тонком звонком каблуке... В районе тридцати ей, но для своих лет она выглядела очень хорошо.

– Ну, пожалуйста, не уходи! Давай поговорим! – чуть ли не умоляющим тоном попросил мужчина рядом с ней.

Он уже разжал руки, чтобы выпустить женщину, когда в кафе ворвался исполинской комплекции парень с короткой спортивной стрижкой. Ничего не говоря, он одной рукой схватил мужчину за шкирку и ударил его кулаком в живот. Бедняга согнулся в поясе, и верзила ударил его снова – коленкой в лицо.

– Что ты делаешь? – взвизгнула женщина.

И даже замахнулась, чтобы ударить его кулачком.

– А ты что делаешь? Зачем ты здесь?

В кафе зашел немолодой средней упитанности мужчина в дорогом костюме. Псевдомодная прическа с эффектом мок-

рых волос, высокий морщинистый лоб, рыбы глаза, крупный рыхлый нос, мятые рябые щеки. Неторопливая походка хозяина жизни, уверенные движения. На женщину он смотрел с язвительным осуждением. В нем угадывалось внутреннее ликование, смешанное с горькой досадой. Рога ему наставили, но измену он все-таки вскрыл...

– Я сказала Леше, что нам не нужно больше встречаться...
– с бледным видом пробормотала блондинка.

Она посмотрела на своего спутника, который, сидя на полу, со страхом поглядывал на громилу, размазывая по лицу красные сопли.

– Точно? – сощурился рябой.

– Да, Глеб, точно... – с чувством облегчения улыбнулась женщина.

Капитан успел заметить, что на красивых и нежных пальцах женщины не хватало украшения в виде обручального кольца. Зато такое кольцо было на руке у бедолаги по имени Леша. И его соперник также был женат. Впрочем, у такой ситуации могло быть вполне реальное объяснение. Блондинка могла быть любовницей и одного мужчины, и другого. А громила, судя по всему, был телохранителем ревнивца, его пудовыми кулаками и свершилось весьма спорное правосудие.

– Костя, добавь, – распорядился Глеб, с презрением глянув на своего соперника.

И подвинул локоть, чтобы женщина могла взять его под

руку. Он собрался уходить, оставляя Лешу на растерзание.

Исполин Костя нагнулся, схватил жертву за грудки, оторвал от пола, поставил на ноги. Еще чуть-чуть, и он бы ударил его кулаком в лицо. Одинцов перехватил руку на замахе, а хватка у него железная... Парень и понятия ничего не успел, как навалился грудью на столик с заломленной за спину рукой. Сила у Одинцова была что надо, поэтому он смог взять громилу на прием.

– Эй! Что за дела? – дергая от боли ногой, простонал парень.

Одинцов усилил нажим на захваченную руку, парализуя тем самым волю противника. Поймал вторую руку, подтянул ее к первой.

– Не дергайся, а то перелом будет, – доставая наручники, сказал он.

Громила признал его силу, поэтому поверил в угрозу. И обмяк.

– Вы кто такой? – возмущенно спросил рябой, глядя на Одинцова.

Тот лишь усмехнулся, угрожающе посмотрев на него. Этот тип и сам понял, с кем имеет дело, если обратился к нему на «вы».

И все-таки он представился, но только после того, как на руках у Кости защелкнулись стальные браслеты:

– Капитан Одинцов, уголовный розыск.

Корочки он доставать не стал. И так все ясно. Случайные

прохожие наручники при себе не носят, это прерогатива сотрудников правоохранительных органов.

– Что вы себе позволяете?

– Все жалобы к прокурору. Улица Гастелло, дом восемнадцать...

– И прокурор будет! И судья!.. – замахал руками рябой. – Генеральный прокурор! И Верховный суд!.. Все будет!

Одинцов и ухом не повел. Уж он-то знал цену пустым угрозам. Если прокурор, то обязательно генеральный, если судья, то верховный. Было бы куда убедительней, если бы пригрозил Одинцову куда более мелкой фигурой, например, местным прокурором или начальником районной полиции, назвав их по фамилиям. Но не знал он никого из них. Да и не боялся Одинцов начальства. Если, конечно, был прав. А в своих полномочиях на данный момент он ничуть не сомневался.

Капитан спокойно расчехлил мобильник, связался с дежурной частью, вызвал наряд, чтобы доставить задержанного в управление. Грубое нарушение общественного порядка налицо, а двести тринадцатую статью никто не отменял. И статья сто пятнадцатая никуда не делась, а телесные повреждения, что называется, на лице. У потерпевшего.

Леша уже поднялся на ноги. Одной рукой он потирал отбитый нос, а другой нервно теребил пуговицу на пиджаке. На своего соперника смотрел исподлобья – зло и с угрозой, но молчал. Или сказать нечего, или страх за горло держит.

– Вы со мной, – строго глянув на него, отчеканил Одинцов.

На Глеба он тоже посмотрел выразительно. Дескать, и к нему есть вопросы, но если он не желает на них отвечать, пусть проваливает. Если надо будет, до него в любом случае доберутся. И допросят. И, возможно, даже привлекут как подстрекателя.

– Зачем с вами? – настороженно спросил Леша.

– Заявление напишете, будем разбираться. – Одинцов кивнул на задержанного, который с заломленными за спину руками с кряхтением и тяжело усаживался на стул.

– Не надо заявления! – мотнул головой потерпевший.

– Надо! – отрезал капитан.

– Э-э... Не было ничего...

– Не было, – подтвердил рябой, с презрением глянув на своего соперника.

Леше стало страшно, что сразу было видно всем присутствующим.

– Я с тобой сам разберусь! – обращаясь к сопернику, дал петуха он.

Глеб угрожающе нахмурил брови, зло поджал губы и резко шагнул к нему. Остроносый пугливо отпрянул назад.

– Гражданин, заявление писать будете? – неприязненно спросил Одинцов.

– Э-э... Нет! – мотнул головой Леша.

– Ну, тогда расходимся...

Многозначительно глянув на верзилу, Одинцов достал из кармана ключи от наручников. Дескать, раз ничего не было, то ему ничего не остается, как отпустить задержанного. А раз так, то Леше лучше исчезнуть отсюда как можно скорей. И его мысленный посыл не остался без ответа. Бросив на блондинку встревоженный взгляд, остроносый торопливо вышел из кафе.

– Люба, я тебе позвоню! – на ходу обронил он.

– Давай, давай! – смерив его взглядом, пренебрежительно хмыкнул рябой.

– И вы свободны, – снимая с громилы наручники, сухо сказал Одинцов.

Костя поднялся во весь свой исполинский рост и, расправляя могучие плечи, повернулся к нему лицом. Он ждал, что Одинцов отпрянет от него, но не тут-то было. Косте самому пришлось отшагнуть, чтобы не притереться к скальной глыбе.

– А извиниться? – потирая запястье, с накрученной злостью спросил он.

Одинцов и ухом не повел. Он снова достал телефон, набрал номер дежурного, чтобы отменить вызов.

– Костя, нам пора. – Рябой грозно глянул на капитана и пошел на выход, увлекая за собой блондинку и громилу.

Одинцов проводил троицу безразличным взглядом. Все равно ему, нагонят они потерпевшего, добавят ему или нет. Раз уж Леша отказался от защиты закона, то пусть пеняет на

себя... Верзилу можно было задержать по факту события, возможно, даже будет возбуждено уголовное дело, но кому нужен этот геморрой, если сам потерпевший ничего не видел? Не было ничего, и точка...

Капитан сел за стол, допил остывший кофе. Действительно, не было ничего, а раз так, то и переживать нечего. Впрочем, он и без того был спокоен, как река на равнине...

Глава 2

Спецназ работал тихо. Люди-тени бесшумно проникли на территорию автобазы, вышли к гаражам и только затем с ревом пошли на штурм.

Максим Одинцов оставался в стороне. Ни к чему рисковать собой, когда есть спецы, натасканные на захват преступников. Была у него возможность привлечь к делу омоновцев, он ею и воспользовался. Если бы всегда выпадало такое счастье, так нет, чаще всего приходилось идти на задержание самому. И еще не раз придется...

Банда угонщиков работала в Москве, а похищенные машины перегоняли в Бочаров, в гараж на территории полузаброшенной автобазы. Преступники работали дерзко и жестко – выслеживали владельцев дорогих авто, нападали на них в подъездах и забирали ключи в комплекте с документами на машину. Дело доходило и до летальных исходов. Ориентировки на розыск бандитов были разосланы по всем отделам внутренних дел, это и дало результат. Лейтенант Кустарев увидел одного преступника на городском рынке, правда, внутренняя система распознавания включилась не сразу, только после того, как объект исчез из поля зрения. Но ведь включилась, и Одинцов получил информацию. Дальше – дело техники...

– Мусора, твари, чтоб вы сдохли! – донеслось со стороны

гаражного бокса.

И этот вопль тут же перешел в дикий стон. Или кружку пива по почкам прописали, или рюмку водки – по печени. И то больно, и другое...

Одинцов зашел в гараж через распахнутую калитку в дощатой створке ворот, провел рукой по крылу «икс-пятого» «БМВ». Совсем еще свежая машина, даже запылиться не успела. Два гаражных бокса не были разделены перегородками, и количество угнанных машин можно было пересчитать, не сходя с места. Три единицы техники. Да какой... Но инвентаризация – дело десятое, сейчас куда важней составить список преступников.

А их было всего двое. Они лежали на полу в пристройке к гаражу, куда можно было попасть через первый бокс. Одинцов обвел взглядом помещение. Стеллажи вдоль стен с каким-то хламом, старый продавленный диван, такое же древнее кресло с порванной обивкой, холодильник с эротическим плакатом на дверце, вентилятор с черными от пыли лопастями. И еще в глаза бросалась разложенная раскладушка с матрасом на ней. Диван двухместный, раскладушка – итого три спальных места, а банда состояла как минимум из полудюжины человек. Впрочем, остальные бандиты могли сейчас находиться где-нибудь на съемной квартире – там и безопасность, и все удобства.

На диване лежала финка с наборной рукоятью, но вряд ли это все. Максим огляделся, просунул руку между сиденьем

дивана и подлокотником – пусто. Он повторил процедуру, но с другой стороны дивана, и пальцы нащупали рукоять пистолета. Ствол он доставать не стал. Будет обыск – проведут изъятие по всей форме. А ему сейчас нужно ковать другое «железо», если оно мягкое. Муровцы ему спасибо за это скажут. А им уже сегодня сообщат о задержании разыскиваемых преступников. Им радость, а Максиму – плюс в отчетность, благодарность и премия...

Он схватил за шкуру лежащего на полу долговязого парня с грязными кучерявыми волосами, потрянул его.

– Чей ствол?

– Да пошел ты на хрен! – огрызнулся бандит.

Одинцов узнал этот голос. Парень назвал омовцев мусорами, за то и поплатился. Но, видимо, урок на пользу не пошел.

Можно было преподать отморозку новый урок, но Максим бить его не стал. Не просто так паренек гоношится, он перед своим дружкой рисуется, крутым в его глазах хочет казаться.

А дружок его выглядел куда более солидно. Немолодой уже, плотное телосложение. Мощный мужичок, голова крупная, лицо широкое, скулы сильно развитые. Одинцов распорядился отвести его в машину, а сам остался с кучерявым. Усадил его в кресло, сам опустился перед ним на корточки, уставился в него тяжелым взглядом.

Пареньку на вид не было еще и двадцати пяти лет. Ли-

цо показалось знакомым. Это был Чебуков Дмитрий Сергеевич, восемьдесят девятого года рождения... Засветился парень по полной. Муровцы и портрет его срисовали, и личность установили, только взять не смогли. Так и гулял бы Чебуков, если бы не зоркий глаз лейтенанта Кустарева.

– Плохи дела, Дима, – качая головой, сказал Максим. – Четыре трупа на тебе. На пожизненный срок пойдешь, а там бластная романтика не канает...

– Какие трупы? – дернулся Чебуков.

И зыркнул по сторонам. Нет никого здесь из своих, не перед кем выживаться. Да и нет смысла отпираться, если дело так далеко зашло. Не просто же так этот опер знает его и по имени, и по фамилии...

– Это тебе на Петровке расскажут. Завтра уже там будешь.

– Не знаю ни про какие трупы!

– Людей вы избивали, ключи от машин отбирали. А потом эти люди умирали в больнице.

– Не избивал я никого...

– И машины не угонял?

– Ну, мне давали ключи... Они в своей машине смывались, а я угонял...

– Кто – они?

– Ну, я не знаю... – Чебуков отвел в сторону глаза.

– Знаешь ты все... Пойми, если не сдашь поделничков, все трупы спишут на тебя.

– Но я не убивал!

– Тогда скажи, кто убивал. Где сейчас эти люди?

– Ну, Юра со мной был... – Чебуков кивнул в сторону, куда увели его дружка.

– Он убивал?

– Да нет, он по машинам спец, ну, номера там перебить...

– А кто убивал?

– Ну-у...

– Думай, Дима, думай. Уйдут твои подельники, залягут на дно. Если мы их не возьмем, на тебя все трупы спишут. На пожизненное пойдешь. Тебе это нужно?

– Да нет... – Чебуков оборвал себя, в гнетущем раздумье закусив нижнюю губу.

– Где твои подельники?

– Ну, квартира у них здесь...

– Где, в Бочарове?

– Да нет, в Платовке...

– Адрес! – потребовал Одинцов.

Поселок Платовка находился всего в четырех километрах от Бочарова, ехать всего ничего. И спецназ в помощь...

– Да я не знаю! – мотнул головой парень.

– Врешь! – Максим схватил его за грудки, но тут же разжал руки.

– Да нет, не вру... Честное слово, не вру! – Чебуков сделал движение плечом, как будто собирался перекреститься.

– А Юра знает?

– Не знает... Они ему не говорили...

– Кто – они?

– Ну, Конюх... Репень... Армяк...

– Еще кто?

– Ну, Лютый... Аскар...

– Дальше?

– Все, больше никого не было. Мы с Юршой, Конюх, Репень, Армяк, Лютый и Аскар...

Одинцов достал две листовки с фотороботами и приметами преступников. Личности этих бандитов установить не удалось, но Чебуков мог пролить свет на многие вопросы.

– Чьи это портреты?

– Ну, Армяка... Ну, Аскар это... – выжимал из себя по капле Чебуков.

– Где они?

– Ну, в Платовке где-то...

– Где конкретно? – наседал Одинцов.

– Да не знаю я... Там кабак от хаты недалеко, они там оттягивались...

– Кабак? Оттягивались?.. Что за повод был?

– Ну, там у Репня кореш есть...

– Кто такой?

– Не знаю... Он срок с ним мотал...

– Местный?

– Ну, вроде того...

– Лукомор? – наугад спросил Одинцов.

– Ну, не знаю...

– А кто такой Лукомор, знаешь?

– Да нет, не слышал...

– Значит, кабак, говоришь... – Максим в раздумье помассировал пальцем ямочку на своем подбородке.

Ресторана в Платовке не было, но имелось кафе, которое, в принципе, попадало под жаргонное определение «кабак». От этого кафе и надо было плясать, постепенно расширяя круг поисков. Но это время...

Со стороны гаража послышался шум, и тут же в подсобку в сопровождении майора Бартеньева вломились двое в штатском. Одного муровца Максим узнал. Капитан Белокопытов с осуждением смотрел на него.

– А нам нельзя было сказать?

Бартеньев выразительно развел руками. Не должен он был вести сюда оперов из МУРа, но так уж вышло. К тому же он и не обязан был оправдываться перед Максимом, поскольку был его непосредственным начальником.

– Проверить надо было. – Одинцов угрюмо глянул на Белокопытова.

Мог бы и руку ему для приветствия подать, а он смотрит на него ноябрем. И его спутник бычится, как будто Максим лично у него лавры украл.

– Чебуков? – глянув на задержанного, возбужденно спросил Белокопытов.

Парень угрюмо кивнул.

– Допрыгался, зяблик!

– С мигалками подъехали? – глянув на Бартеньева, с усмешкой спросил Одинцов.

– А что такое? – нахмурился Белокопытов.

– Там еще пятеро гуляют, вернуться должны, а вы шум подняли.

– Ну, мы шум не поднимали... Пятеро, говоришь, гуляют?

– В Платовке где-то. Там ищите.

Максим негромко хлопнул в ладоши. Все, он свое дело сделал, поэтому умывает руки. Пусть муровские берут в оборот задержанных, раскалывают, раскручивают, а его дело сторона. И с машинами пусть сами разбираются.

Он вышел во двор автобазы. Ночь звездная, лунная, светлая, но спецназовцев нигде не видно, хотя они где-то рядом. Зато служебный «Форд» как на ладони. Проблесковые маячки не включены, но машина все равно как бельмо в глазу. Если бандиты ее увидят, уйдут ветром в поле, ищи их потом, свищи...

Вслед за Одинцовым из гаража вышел Бартеньев, кивком головы показал на машину.

– Поехали!

Максим кивнул. «Форд» нужно было убрать – и чем дальше, тем лучше. Ему самому пора домой: тут и без него разберутся.

– Нехорошо вышло, – усаживаясь в машину, сказал Бартеньев.

Он возглавил отдел уголовного розыска Управления внут-

ренных дел Бочаровского района в прошлом году. Снизу на эту должность сватали Одинцова, но сверху выдвинули Бар-теньева. Молодой перспективный офицер, приятной внешности, коммуникабельный, примерный семьянин. А Одинцов замкнутый, малообщительный, неулыбчивый, с начальством не дружит. К тому же в разводе. На службе он дневал и ночевал, вот его жена и не выдержала, ушла от него, но кого интересуют столь незначительные детали. К тому же староват он для капитана. Тридцать шесть лет, как-никак. И академий он не оканчивал. Как впрягся после армии в ментовскую лямку, так до сих пор и пашет. Три года в сержантах числился, потом прапорщика присвоили, в двадцать семь лет из патрульно-постовой службы перешел в уголовный розыск. За шесть лет от младшего лейтенанта дослужился до капитана, в этом звании он и застрял. Майора пора получать, но срок еще не вышел, а на досрочное звание не представляют. Должность у него вроде как майорская – и управление, и старший уполномоченный, но тут как начальство скажет. Могут и прокатить с очередным званием. Вот если бы он отдел уголовного розыска возглавил, тогда бы точно майора присвоили... Но эту должность занял Бартеньев. Ему расти надо. В армии он не служил, в двадцать два года окончил академию, через шесть лет стал начальником уголовного розыска. Он-то и стал майором досрочно. Еще через пару лет начальником криминальной полиции его сделают... Может, тогда Одинцов и займет его нынешнее место. А если нет, то

обижаться он не станет. Обижаться на судьбу – себя не уважать. И себя изводить...

– Нехорошо? – Максим косо глянул на своего начальника.

– Надо было совместно с МУРом задержание провести.

Одинцов пожал плечами. Жираф большой, ему видней.

Главное, чтобы он сам себя виноватым не чувствовал, а этого нет. Так что спокойно на душе.

– Нет, я, конечно, понимаю, что нам это зачтется...

– Ну да, – криво усмехнулся Максим.

Бартеньев парень общительный, и «лапа» у него наверху, ему это задержание могут поставить в плюс, а главного исполнителя – заминусовать за чрезмерную инициативу.

– Что-то не так? – насупился молодой майор.

– Дело не в том, что нам зачтется. Дело в том, что нам с этим жить. Отморозков закروют, а Лукомор останется... Если закروют...

– Лукомор? – озадаченно повел бровью Бартеньев.

– Ну, я точно не знаю, может, он и не при делах... – пожал плечами Одинцов.

Лукомор со своей бригадой появился в Бочарове двенадцать лет назад, в девяносто седьмом году. Объявил себя законным вором, начал войну с местной братвой, прибрал к рукам город. Как оказалось, одно время он действительно был вором, но в девяносто шестом его развенчали. Был сход, бродяги дали ему по ушам за излишнее увлечение коммерцией. Правда, другие воры объявили этот сход левым, Лу-

комора признали несправедливо поруганным, но его корона так и осталась в подвешенном состоянии. Одни воры признавали за ним его титул, другие нет. Впрочем, это не мешало Лукомору делать дела в Бочарове. И положение у него здесь, и бизнес. Одним словом, местная мафия – далеко не самая грозная, но проблемы она создавала.

Люди в Бочарове жили неплохо: свои здесь заводы с приличной рентабельностью, и до Москвы рукой подать. А сколько элитных поселков окрест города развелось... Есть у людей деньги, поэтому магазины и супермаркеты росли как грибы под радиацией. На торговле Лукомор и делал свой гешефт. Свои магазины у него имелись, площади под них он сдавал, плюс охранная фирма, которая стерегла всю эту коммерцию. И еще ночным клубом он владел, самым крутым в городе. Игровые точки у него были с однорукими в них бандитами... Казалось бы, при таких раскладах ему незачем было иметь дело с бандитами Конюха, но, возможно, он с ними заодно. Помимо всего прочего Лукомор торговал запчастями. Автосервисы у него в городе, магазины под это дело. Вдруг Лукомор перешел на краденый товар? Это же сверхприбыли, какой вор против такой лафы устоит?..

– А если при делах? – спросил Бартеньев.

– Будем работать, – как о чем-то неоспоримом сказал Максим.

Для того и существует в Бочарове криминальная полиция, чтобы вычищать из города всякую дрянь.

Глава 3

Радиожучок – техника прошлого тысячелетия, но еще рано выбрасывать ее на свалку истории. Об этом Конюх думал, с тупой приглушенной злобой глядя на приемник в своей машине. Микрофоны с дистанционной передачей сигнала были установлены в гараже, чтобы контролировать обстановку из квартиры или машины. Мало ли, вдруг Чебук и Юра решат устроить бунт на корабле или даже сдать на милость мусорам. Система тайной прослушки должна была оповестить братву о ментовском наезде, чего больше всего боялся Конюх...

Машина шла по тряской, в рытвинах, дороге. Лес вокруг стоял молча, макушки сосен качались в ночном небе, высекая из него искры-звезды...

А менты не заставили себя ждать, Конюху пришлось сорваться с насиженного места. И с оседланной бабы... Обидно. И досадно. И с Нинкой он больше не увидится, и новое пристанище искать надо. И, главное, нужно было решить проблему с Армяком и Аскарком. Хорошие они пацаны, но концы надо обрубать.

Слышал Конюх, как мент допрашивал Чебука. Слабый пацан – понтов много, а толку мало, поэтому и сдал весь расклад. И про хату в Платовке сказал, и про кабак. Хорошо, точного адреса он не знал.

А если бы и знал, все равно менты бы обломались. Все, сорвалась братва с места, зарылась иголка в сено.

Машина остановилась.

– Все, тупик! – хлопнув ладонями по баранке, сказал Аскар.

– Точно, тупик, – вздохнул Конюх.

Аскар – четкий парень. Толковый, решительный, удар у него мощный. Дерзкий, наглый, но не бунтарь – что скажут, то и сделает, и без косяков. Конюху очень будет его не хватать...

Машина уперлась в заросли кустов, ехать дальше – только краску с машины сдирать. Да и смысла в этом нет: глухомань вокруг.

– Ты же говорил, что мы к бетонке выедем, – возмущенно сказал Армяк.

– Ну, должны были.

Конюх вышел из машины, нащупал пальцами рукоять вложенного за пояс «ТТ». Патрон был в стволе, нажать на спуск не проблема.

– А если это реальный тупик? – нервно спросил Армяк.

Из машины он вышел быстро, порывисто. Дерганный паренек, борзый, истеричный, чуть что не так, сразу в псих. Если ему что-то не нравится, то авторитетов для него не существует... Его не жалко.

– Для кого как, – хищно усмехнулся Конюх.

Его бригада работала по четко отлаженной схеме. Аскар

и Армяк ведут жертву, выбивают из нее дух и ключи, которые затем передают Чебуку. Эти двое уезжают на своей машине, а Дима уводит отбитую ими тачку... Они втроем были на острие событий, поэтому и засветились. А менты могут повязать всех, если выйдут на Аскара и Армяка. И повяжут, раз уж они вышли на след.

– Да для всех! Менты на хвост сели! Они теперь от нас не отстанут! – заколотился Армяк.

– Крыса ты! – выплеснул Конюх.

– Что ты сказал! – взвился пацан.

– Крысы бегут с корабля...

– А я сказал, что нужно бежать?.. На дно надо залечь!.. А за крысу можешь ответить!

– Отвечу, – кивнул Конюх.

И спокойно вынул из-за пояса ствол.

– Эй, ты чего? – шарахнулся от него Армяк.

Он споткнулся о корягу, плюхнулся на задницу. В этот момент Конюх и нажал на спуск. Грохот выстрела испугнул спящую лесную птицу; сквозь звон в ушах было слышно, как захлопали крылья. А где-то вдалеке ухнул сыч, оплакивая новопреставленного.

– Брат, зачем? – простонал Аскар, в диком изумлении глядя на мертвого друга, который все еще конвульсивно дергал ногой.

– Извини, брат!

И снова прозвучал выстрел. Одним покойником стало

больше.

– Конюх, ты чо, съехал? – Лютый резко сдал назад, но путь ему преградила машина.

Послышался глухой звон, с которым он стукнулся об кузов.

Репень тоже испугался, но не дрогнул. Он схватился за волюну, но Конюх его опередил, направив на него ствол.

– Спокойно, пацаны! Вас я не трону!..

Он объяснил, в чем провинились Армяк и Аскар. И не перед ним провинились, а перед всеми. И как он догадался о ментовских ориентировках на них, сказал. Мент предъявил Чебуку только их двоих, на остальных у него ничего не было. Да и быть не могло. Лютый – отличный боец, но с терпилами он практически не работал. Он больше по части угонов. А Репень чисто технарь – взломать сигнализацию, вскрыть машину. И жучки в гараже он устанавливал...

– На вас, пацаны, сторожков нет, – возвращая ствол на место, успокоительным тоном сказал он.

– А если будут? – Зато Репень продолжал держать пистолет, правда, в опущенной руке.

– Если будут, разбежимся. Просто разбежимся.

– А мы не разбежались? – спросил Лютый. – Чебука с Юршой приняли, Аскара с Армяком завалили...

Лютый был среднего роста, худощавый и сутулый. Лисье лицо, рысий взгляд. Движения у него в обычной обстановке неторопливые, плавные, как у сытого кота. Но из состояния

легкой заторможенности он в любой миг мог перейти к тигриной агрессии. Хоть и не впечатлительной он комплекции, но удар у него быстрый и пробивной.

– Мало нас, – кивнул Репень.

Этот был ростом повыше, в плечах пошире, но не атлет. И вид у него не был устрашающий. Правильные, отдающие интеллигентщиной черты лица, умный вдумчивый взгляд. Шесть лет на строгом режиме отмотал, но на уголовника не похож. Хотя и ботаником его не назовешь. Черты у него мягкие, но в случае опасности лицо становилось жестким, твердокаменным, взгляд леденел. Дрался он не очень хорошо, зато ножом ударить – без проблем. И стрелял он отлично.

– А вы целой бригады стоите, – польстил Конюх. – Еще бы Аскара сюда...

Еще жаль было потерять Юршу. Он пацан тугодумный, неповоротливый, зато исполнительный. И сильный как буйвол – мог в одиночку оторвать от земли задние колеса «Волги». Впрочем, найти ему замену будет нетрудно. Был бы скелет, а мясо нарастет.

А скелет – это Конюх, Репень и Лютый.

– Аскара хоронить надо, – покачал головой Лютый. – И Армяка...

– Как в Древней Греции хоронили, – вздохнул Репень. – На костер, а пепел по ветру.

– Так и сделаем, – кивнул Конюх.

Погода стояла жаркая, дождей давно уже не наблюдалось,

поэтому сухого хвороста в лесу было много. Через полчаса постамент для погребального костра был готов. На него положили тела, для верности облили бензином.

Сухие, взбрызнутые бензином ветки вспыхнули мгновенно, с угрожающим шумом. Затрещало вдруг и в голове у Конюха. Дошло до него, что на этом костре надо было бы сжечь и Репня с Лютым. И себя самого... Если не было у ментов ориентировок на них, то теперь появятся. Тот же Чебук видел их всех в лицо, а за фотороботами дело не встанет. А еще пальчики на квартире остались. И Репень срок мотал, и Лютый, да и сам Конюх побывал за колючкой. Все они по ментовским базам проходят...

Конюх заскрипел зубами, до хруста сжимая кулаки. Таких пацанов угробил... Аскара особенно жаль...

Но дело сделано, не стоит наматывать на кулак сопли. Ехать пора. Огонь запросто мог перекинуться на сухие деревья, а погибать в лесном пожаре Конюх не хотел.

– И куда теперь? – спросил Репень, когда машина выехала из леса.

– Есть одно место.

С Шершнем Конюх встретился случайно. Заглянул в бар горло промочить, а он там за барной стойкой в одиночестве упивался. Когда-то Шершень ему очень здорово помог в зоне. Рамсы у Конюха с отморозками были, а Шершень его поддержал. Да он сам его не раз выручал... Они тогда вдвоем надрались, а на следующий день в кабак зарядились. По-

гульбанили, телок сняли, в общем, весело было.

Шершень не говорил, где живет, и в гости не приглашал, но Конюх выследил его – для него это как два пальца. Тот жил в Гужеевке, дом на окраине снимал, старый, но немаленький, полуторазэтажный. Там для всех места хватит...

Небо уже светлело, когда машина остановилась возле дома. Легкий туман, бодрящая прохлада, петухи голоса подаю, собаки брешут. И за воротами с рычащим хрипом залаял бойцовский пес. А вскоре послышался голос.

– Конюх, ты, что ли? – недовольно спросил Шершень.

– Пришла беда – открывай ворота.

– Может, лучше картечью?

– Ты так не шути, брат, – с улыбкой, но совсем не весело, сказал Конюх.

Дом закрывали железные ворота, пригнанные плотно, не видно, кто за ними. И с чем. Может, Шершень вышел к нему с дробовиком. И своего пса он мог запросто с цепи спустить.

– Что за беда?

– Менты хату накрыли.

Наступила пауза, после чего ворота приоткрылись. Конюх зашел во двор с опаской. Шершень был без ружья, но на цепи держал страшную кавказскую овчарку. Мало не покажется, если он разожмет руки.

Шершень кивком показал на приоткрытую дверь. Дескать, проходи.

Внешне это был довольно мощный мужик. Массивная,

крепко вливая в могучую борцовскую шею голова, широкие покатые плечи, сильные кривые ноги с крупными икрами. Высокий, прорезанный глубокой морщиной лоб, надбровья как скальные выступы, маленькие, глубоко посаженные глаза, широкий нос. Развитые скулы с играющими на них желваками, широкий прямоугольный подбородок. Взгляд был настороженный, въедливый.

– Нам бы машину поставить.

Шершень скривил губы в язвительной улыбке. Сначала Конюх сам к нему во двор втерся, теперь вот машину пристроить некуда. Но куда не деться от старого друга.

– Давай, – проговорил он.

Лютого Шершень знал: водку с ним в кабаке пил, а за Репня пришлось сказать слово. Мол, нормальный пацан, все такое...

Репень и Лютый загнали во двор свой «Ланд Крузер», потеснив машину Шершня – не первой молодости «А-четвертый» «Ауди». Конюх направился в дом, увлекая их за собой. Последним зашел Шершень.

В доме у Шершня было довольно уютно, мебель хоть и старая, но добротная. На кухне гарнитур, в зале стенка, плазменный телевизор на тумбочке. Обои свежие, полы недавно покрашенные... В общем, все в цвет.

– Не хило ты здесь устроился, – осмотрев зал, сказал Конюх.

Ноги сами понесли его к дивану. Сейчас бы на боковую

завалиться, но Шершень взглядом показал наверх. Он провёл Конюха на второй этаж, показал комнату, которая должна была стать его спальней. Там и приставил нож к горлу, перед этим закрыв на замок дверь.

– Как узнал, где я живу? – зло спросил он.

– Так это, пацаны тебя выпасли.

– Зачем?

– Ну, чисто намастыриться. Они у меня терпил выпасают, мы их потом на гоп-стоп ставим. В этом деле тренировка нужна...

– Мне тоже. Давно кровь никому не пускал. Навык теряю, поможешь?

Конюх почувствовал, как нож сдвинулся в сторону, острием вспарывая кожу. Леденящий холод растекся по животу, по ногам слился в пятки. Убить Шершня, как плюнуть, и Конюх это хорошо знал.

– А если менты за нами сейчас подвоят? Спалиться хочешь?

– Ты меня ментами не пугай. – Шершень презрительно ухмыльнулся, но хватку ослабил.

– Не пугаю. И сам не боюсь. Чистые мы.

– А чего тогда бегаешь?

– А пацаны со мной были, на которых сторожок. Разошлись наши дорожки. Они теперь сами по себе. А мы чистые, нас не ищут...

– Кто знает, кто знает, – задумчиво проговорил Шершень.

– Ты не бойся, если что, я против тебя слова не скажу. Ты не при делах.

– Так я и не сомневаюсь.

Шершень резко повел в сторону рукой, и нож с глухим стуком вонзился в деревянную дверь. Конюх невольно вздрогнул. Если Шершень хотел произвести на него впечатление, ему это удалось.

– Ну, здорово, братан!

Благодушно улыбаясь, Шершень распахнул объятия. Конюх облегчено вздохнул, по-братски с ним обнимаясь. Наконец-то он почувствовал себя на равных с ним. Но чувство это, возможно, обманчивое...

Глава 4

«Скорая помощь» опередила следственно-оперативную группу и увезла потерпевшего еще до того, как Одинцов прибыл к месту преступления. В подъезде блочной десятиэтажки было гулко и душно. Пахло свежей краской. Ремонт здесь недавно сделали, площадку перед лифтом плиткой застелили, стены побелили. Плитка светло-серого цвета, на ней хорошо видна была лужа крови.

– Здесь он лежал, на спине. Соседи думали, что покойник, а я пульс нащупал, «Скорую» вызвал.

Старший лейтенант Зорин ожесточенно скреб щеку. Кто-то от волнения ногти начинает грызть, а кого-то на чесотку пробивает. Зорин в патрульно-постовой службе уже давно, Одинцов одно время с ним в одном экипаже работал. Кажалось бы, Яша столько крови на своем веку увидел, а нет, разволновался мужик, разнервничался. А ведь он далеко не трус, уж кто-кто, а Максим точно это знал. Просто натура впечатлительная.

Как бы ни волновался Зорин, он свое дело знал. И еще до прибытия группы мелком вычертил на полу силуэт потерпевшего, создал, так сказать, картинку.

– Врач сказал, перелом основания черепа, – сказал Зорин. – Голову проломили, чем, непонятно. Может, арматуриной. Я тут ходил, посмотрел, не было ничего такого.

– Документы при потерпевшем были? – вежливо спросил следователь Мирошкин.

Культурный он мужчина, вежливый, начитанный, эрудированный, в театры ходит, музеи посещает, но его внешность вряд ли соответствовала внутреннему содержанию. Простецкое лицо, крупные, невнятные черты лица, блеклые глаза, нос картошкой. И волосы вихрятся, как их ни укладывай. Уж лучше бы налысо побрился.

Глядя на эти белобрысые вихры, Одинцов невольно провел рукой по своей лысине.

– Да нет, не было ничего.

– Ключи от машины?

– Ничего не было. Непонятно, кто он такой. И карманы вывернуты. Ограбили его... Даже часы сняли. Ну, если они были. А должны были быть! Костюм дорогой. Я в них, в этих костюмах, особенно не разбираюсь, но точно дорогой... Рубашка шелковая... Точно шелковая... – Зорин, казалось, разговаривал сам с собой. – Женщины тут подходили, я спросил, может, они его знают. Не знают.

– А кто знает? – Одинцов нажал на клавишу звонка ближайшей квартиры.

Дверь открыла заспанная женщина с шапочкой для душа на завитых волосах. Максим обрисовал ей ситуацию, но ничего не узнал. Женщина выразила сожаление, сказала, что у нее все дома, и закрыла дверь. И жильцы следующей по счету квартиры ясности не внесли.

Но Максим не сдавался. Он поднялся на этаж выше, позвонил в следующую дверь, опросил жильцов... А в пятой по счету квартире его ждал сюрприз. Дверь ему открыла сексуальная блондинка Люба, с которой он имел дело в городском парке не далее как месяц назад.

Открыла она ему не сразу. Сначала глянула в глазок и только минуты через две предстала перед ним. Тепленькая, только что из постели, на щеке след от подушки угадывается. Но эта же щека слегка припудрена, как и все лицо. И губы наспех подкрашены. Есть женщины, которые ни за что на свете не покажутся мужчине на глаза без косметики.

– Вы? – спросила она, стараясь сдержать улыбку, наполняющую на губы.

Судя по ее взгляду, Люба даже не знала, что произошло в подъезде. Но это неудивительно. Второй час ночи, как-никак. Спала она крепко, когда все происходило. Окна ее квартиры во двор не выходили – сирены подъезжающей «Скорой» она могла и не слышать. Потерпевший был ее мужчиной. У женщины имелось еще и два любовника, возможно, кто-то из них гостил у нее. Одинцов не должен был исключать такой вариант.

– Разговор есть, – строго сказал капитан.

– В такое время?

– Примерно час-полтора тому назад в подъезде вашего дома было совершенно нападение на мужчину предположительно сорока лет. На нем был дорогой костюм и белая шел-

ковая сорочка, – пристально глядя на женщину, сказал Максим.

– И где он? – встрепенулась она. – Что с ним?

– В больнице он. С черепно-мозговой травмой... Кто у вас сегодня гостил?

– Э-э... Глеб Евгеньевич был...

– Когда он ушел?

– Ну... После двенадцати... Часы уже пробили, когда он уходил.

– Дорогой костюм, белая шелковая сорочка?

– Да.

– Часы?

– Да, «Ролекс». Из новой коллекции...

Одинцов уловил движение на лестнице, повернул голову и увидел Мирошкина. Грузный Валерьян Михайлович страдал одышкой и повышенным потоотделением. И это чувствовалось – тяжелое прерывистое дыхание, лоб в крупных каплях, мокрое лицо.

– Работаешь? – с интересом глянув на Любу, спросил он.

– Уже наработал. Осталось только фамилию узнать. И отчество. – Максим выразительно посмотрел на женщину.

– Батыгин. Батыгин Глеб Евгеньевич, – сомкнув на груди кулачки, торопливо проговорила она. И, немного подумав, выразила сомнение: – Если это он.

– У вас есть номер его телефона?

– Да, конечно! – спохватилась Люба.

Максим и моргнуть не успел, как дверь захлопнулась перед самым его носом – настолько стремительно исчезла женщина.

Он нажал на клавишу звонка. Разговор еще не закончился, он только начинается.

– А я хотел обойти тут, посмотреть, может, окурки свежие остались, – сказал Мирошкин. – Может, жертву поджидали.

Одинцов одобрительно кивнул. Грамотная версия, актуальная. Грабители могли поджидать в подъезде первого встречного, а могли охотиться конкретно на Батыгина. Он человек богатый... А возможно, его собирались убить. Просто чуточку сил не хватило. Или остроты ударного момента. Да и не ясно еще, выживет ли жертва...

Дверь распахнулась, и Люба отступила вглубь квартиры, приглашая Максима в дом.

– Ой, извините! Не подумала! – В одной руке она держала мобильный телефон, а другую прикладывала к груди, подчеркивая чувство вины.

– Дозвонились?

– Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

– Там же, где «Ролекс» находится, – переступая через порог, сказал Одинцов.

Он остановился, повернулся к следователю и выразительно посмотрел на него. Мирошкин имел приоритетное право побеседовать с Любой, и если он настаивает, то пусть захо-

дит. Максим готов был подвинуться, но Михалыч качнул головой. Он ничуть не сомневался в компетентности Одинцова, доверял ему, поэтому и не стал мешать.

– У вас есть фотография Батыгина? – спросил Максим.

Неплохо было бы показать снимок Зорину, который видел потерпевшего. Вдруг все-таки какая-то ошибка.

– Нет! – Люба сначала ответила и только затем задумалась. – Хотя нет, есть... Только фотография старая... Я сейчас.

Она скрылась в спальне, а Одинцов осмотрел прихожую, гостиную, заглянул на кухню. В квартире был евроремонт, но делали его уже давно, как минимум, лет пять назад. Мебель стильная, но не дорогая и не новая, хотя смотрелась очень хорошо. В гостиной беспорядок. Покрывало на диване смятое, на журнальном столике стояла недопитая бутылка шампанского, остатки мясного салата остались в вазочке, конфеты, фрукты. Не догадалась Люба убрать после того, как выпроводила кавалера, на утро это дело перенесла. Или спать ей хотелось, или просто лень было порядок наводить.

Женщина принесла фотографию в пластиковой рамке, показала Максиму.

– Вот, Глеб здесь и Валера, – пояснила она.

На фотографии юная Люба стояла под ручку с Батыгиным, а ее саму обнимал за талию какой-то крепко накачанный мужчина лет тридцати. Бровастый, широколицый, круглоскулый. На вид ему лет двадцать пять, может, чуть больше.

И сам Батыгин был того же примерно возраста. Стройный, статный, брюшко еще только угадывалось.

Бровастый снисходительно улыбался, прижимая к себе Любу, а Батыгин был невесел и смущен. Стоял так, как будто готовился отскочить от девушки по первому окрику. И Люба держалась от него на предельно возможном удалении. Вроде бы и держала она его за локоток, но рука у нее была вытянута. Не жалась она к Батыгину – не хотела, или Валеру боялась.

– Где это вы? – уточнил капитан.

– Да по Сокольникам гуляли. У Валеры было хорошее настроение...

– А у Глеба не очень.

Одинцов рассматривал Валеру. Мощный парень, с золотой или латунной цепью на бычьей шее. Черная рубашка с широким и наглаженным коротким рукавом, широкие джинсы, не стесняющие ударные движения. Уж не бандитом ли был этот Валера?

– Ну да, кислый он, – кинула Люба.

– Чего так?

– Ну, были причины...

– А Валера этот сейчас где?

– В земле... Убили его, – тоскливо вздохнула Люба. – В зоне убили. Давно уже, лет восемь назад...

– Разберемся.

Максим взял фотографию, вышел из квартиры, нашел Зо-

рина, тот опознал в потерпевшем Батыгина. Ошибка исключалась.

Дверь в квартиру Любы была всего лишь прикрыта, она сама находилась на кухне, стояла у открытой форточки с сигаретой в руке.

– Почему не закрываетесь? – сухо спросил он.

– Так вас ждала, – пожалала она плечами, недоуменно глянув на него. – Если полиция в доме, то бояться нечего...

– А если бы я задержался? Если бы к вам пришли незваные гости?

– Какие гости?

– А кто Батыгину голову проломил?

Люба вздрогнула и встревоженно глянула на Максима.

– Все-таки он?

– Он.

– Беда какая! – Люба сокрушенно всплеснула руками.

Максим внимательно смотрел на нее. Было видно, что она действительно переживала за Батыгина, но все же угадывалась какая-то наигранность. Печаль была, сострадание – все искреннее, а стонущего трагизма – нет. За какого-то Валеру, который давно уже погиб, она и то переживала больше.

Но ведь Батыгин ей не муж, и она не должна убиваться по нему.

– И как он?

– Состояние очень тяжелое. В Москву повезли, в Склиф.

– Надо бы его жене позвонить! – спохватилась она. – Там,

наверное, деньги нужны.

– Так позвоните.

Люба цокнула языком, скривив губы.

– А какой у нее номер? Я не знаю!

– А кто знает?.. Насколько я помню, у Батыгина был телохранитель.

– Телохранитель?.. – Женщина округлила глаза. – Почему был? Должен быть!

– И где он?

– Я откуда знаю?

– Он к вам с телохранителем приезжал?

– Не знаю. Я Костю обычно не вижу. Глеб заходит, а где Костя, кто его знает. Он мне про него не говорит, я не спрашиваю...

– А машина у Глеба какая?

– Внедорожник у него, «Лексус». Большой, люксовый...

– Номера?

– Три семерки... И два нуля за ними... А машина где?

Максим не ответил. Он вышел из квартиры, спустился во двор. Видел он внедорожный «Лексус», когда подъезжал к дому, но не посмотрел на номера.

Черный «Лексус» находился на месте, три семерки, два нуля... Машина была закрыта, внутри никого.

Одинцов невольно вспомнил о бандитах Конюха. Эти ребята тоже грабили своих жертв в подъездах – забирали у них документы, деньги, а главное, ключи от машины. И у Баты-

гина, если он был без телохранителя, похитили ключи. Но машина осталась на месте.

Если бы на Батыгина напали бандиты Конюха, они бы обязательно увели машину. Значит, не они... Да и не стали бы эти ребята работать в Бочарове, где их ищут с особым пристрастием. Им сейчас на дно залечь надо – и чем глубже, тем лучше.

Зря Максим умывал руки, когда за Чебука взялись муровцы. На следующий день он получил реальную взбучку за самодеятельность. Поспешил, оказывается. Надо было брать бандитов разом, всей бандой, а он смог захватить только двоих. Остальные ушли. Оказывается, «жучки» у них в гараже стояли, поэтому и получили они сигнал об опасности... В принципе, Максим согласился с начальством. Не надо было спешить.

Ушли конюховские недобитки, где их искать, пока не ясно. Вряд ли они остались в окрестностях Бочарова, но Максим все равно держит руку на пульсе событий. Есть у него люди, которые маякнут в случае чего... И с Лукомором неплохо было бы пообщаться на эту тему. Вдруг этот жук действительно пригрел отморозков?.. Но к вору на пустой козе не подъедешь, для разговора с ним доказательства нужны.

Максим осмотрел машину и вернулся в дом. Надо было задать Любе несколько вопросов. Но сначала неплохо было бы осмотреть подъезд самому, поговорить со следователем,

который уже там работал. И опрос жильцов дома надо бы продолжить, может, кто-то видел преступника...

Глава 5

Кофе должен быть таким же крепким, как сигарета, тогда сонные мухи разлетаются, как бабочки от дихлофоса. А кофе у Любы Суконцевой отменный, и сигареты у Максима что надо.

– Я вообще-то стараюсь не курить, – сказала она, с удовольствием выпустив под потолок струю дыма. – Сами понимаете, волнение.

– Значит, Батыгин не говорил вам про телохранителя? Где он, что с ним – вы, Любовь Викторовна, не в курсе?

– Нет, он ничего не говорил. Открыл дверь, зашел. Я его ждала, у меня все было готово, – сказала она, скупым кивком головы показав на холодильник.

– Дверь, говорите, открыл. Своим ключом?

– Да, своим.

– Вы доверяли ему ключ от своей квартиры?

– Ну-у... – слегка замялась женщина. – Это его квартира.

Он ее для меня снял.

В ее словах прозвучал вызов. Да, она такая, и ничуть не стесняется жить на содержании любовника. Но в этом вызове угадывалась печаль одинокой женщины.

– Тогда все понятно.

Максим окинул взглядом кухню. Подвесные потолки, приличный гарнитур, двухкамерный холодильник. Хоро-

шую квартиру снял Батыгин для любовницы, ничего не скажешь. И дом относительно новый, почти в центре города. Только вот подъезд не охранялся, не было здесь консьержки. Кодовый замок, и все – для опытных преступников это как орешки для белочки.

– Так уж вышло, что я видел вас в парке с неким Лешей. Потом появился Глеб... – Максим взял паузу.

Женщина, конечно же, все это помнила...

– Да было такое... Я бы не хотела об этом говорить, – Она нервно затаилась.

– Насколько я помню, Леша... Как его фамилия?

– Карцев. Карцев Алексей Севастьянович. – Суконцева всем своим видом давала понять, как нелегко даются ей эти слова.

Но Максим не первый встречный, он представитель закона, и раз уж она оказалась в эпицентре события, придется потрудиться.

– Давно вы с ним? – спросил капитан.

– А это имеет отношение к делу?

– Насколько я помню, Карцев грозился разобраться с Батыгиным, – продолжал Одинцов.

– Да это несерьезно! – усмехнулась Суконцева.

– Почему?

– Леша человек неконфликтный, а сгоряча всякое можно сказать, – с пренебрежением к своему бывшему махнула она рукой.

– Я так понимаю, вы расстались с Карцевым?

– Да, расстались. – Люба ответила четко, без раздумий.

– Из-за Батыгина?

– Из-за него.

– Батыгин ревновал вас к Карцеву, – догадался Максим.

– Да, он мужчина ревнивый... До ужаса ревнивый. Выслеживал меня, хотел знать, как я тут без него. А я с Лешей встретила, хотела сказать, что нам больше встречаться не надо, – одними губами усмехнулась женщина. – А тут Глеб... Некрасиво все вышло, что уж тут говорить...

– Но ведь вышло. А сегодня на Глеба покушались. Или ограбить хотели, или убить. Или и то и другое...

– Как же так, у него телохранитель был, – пожалала плечом Суконцева.

– Может, сегодня не было... Вчера Батыгин к вам приезжал?

– Вчера нет... Позавчера был...

– Сам или с телохранителем?

– Не знаю. Пришел, ушел. Я его только до двери проводила...

– Чем он занимается? Чиновник, бизнесмен?

– Бизнес у него. Оконные заводы. Целая сеть производств. Он здесь, в Бочарове филиал недавно открыл, а я к нему наниматься пришла... – затуманенно улыбнулась Суконцева. – Так мы и встретились... Он очень обрадовался!..

– Я так понимаю, вы знаете его давно?

– Да, конечно. Он с Валерой дружил, а я с ним жила. Он уже тогда в меня был влюблен... Валеру посадили, я уехала домой, к маме. Глеб меня потерял. Да и женат он уже был...

– На ком?.. В смысле, вы знали его жену?

– Все вам расскажи, – снисходительно усмехнулась она. – Ну, знаю. Альбина. Супер-пупер-фотомодел... Глеб гений по части коммерции, там купил, тут продал, на цветных металлах целое состояние сделал. Потом на пластиковые окна переключился, понял, где золотая жила. Один завод поставил, другой... Альбина сейчас в шоколаде... Я же знаю, он ее нарочно к нам приводил, чтобы я видела. Хотел, чтобы я ревновала. А я Валеру любила... Да и не смогла бы я уйти от него. Валера бы меня убил. Да я и не собиралась уходить...

– А он мог убить? – поинтересовался капитан.

Суконцева вздрогнула, услышав этот вопрос. Как будто она разговаривала сама с собой в полном одиночестве, а тут вдруг кто-то вырос из-под земли и влез в ее воспоминания.

– Мог ли Валера меня убить? – озадаченно нахмурилась она.

– За что его посадили?

– За убийство... Да, он мог убить, – кивнула она. – Я и говорю, что мог... Кого угодно мог, но только не меня...

– А чем он занимался, если не секрет?

– Ну, они с Глебом работали. Глеб работал, а Валера его прикрывал...

– В каком смысле прикрывал?

– Можно, я не буду отвечать на этот вопрос? – нахохлилась Люба. – Валеры больше нет. И никогда уже не будет...

– О покойниках только хорошо? – с намеком спросил Максим.

– Да, у Валеры была своя бригада! – раздраженно выдала она. – Да, он занимался темными делами, но я не хочу об этом говорить. И не надо об этом говорить. Валера точно к этому делу отношения не имеет...

– А кто может иметь?

– Не знаю!.. И поздно уже. Я хочу спать!

– Хорошо, я приду завтра. Утром. Если вы не будете на работе.

– Не буду. – Люба смотрела на Одинцова с сомнением.

Как будто не знала, будет она рада видеть его или нет. Вроде бы она и симпатизировала ему, но различные вопросы уже достали.

– Вы говорили, что устраивались к Батыгину на работу.

– И устроилась. Я работаю его любовницей, если вы хотите это знать! – Суконцева поднялась, давая понять, что разговор закончен.

– Я хочу знать, где находится офис его предприятия. Мне нужно узнать номер кого-нибудь из его заместителей, выйти на его супругу. Она должна знать о случившемся.

– Ну, адрес я вам дам... – кивнула женщина.

– И еще я хотел бы поговорить с гражданином Карцевым.

– Я могу дать вам номер его мобильного телефона. Но его

самого вы не найдете.

– Почему?

– В командировке он. В Тюмени. Недавно в нефтяную компанию устроился, инженером, на хорошую зарплату, только вот в командировки приходится выезжать...

– Точно в командировке? – Максим внимательно посмотрел на Суконцеву.

Вроде бы она рассталась с Карцевым решительно и бесповоротно, но ситуацией при этом владеет.

– Ну, он звонил, сказал, что уезжает.

– Зачем он вам звонил?

– Когда вернется, хочет серьезно со мной поговорить.

– Я так понимаю, он не хочет вас отпускать?

– И я так понимаю, – скупо улыбнулась она.

– Я видел кольцо у него на пальце, – продолжал капитан.

– Да, он женат, – с вялым сожалением вздохнула Люба.

Одинцов набрал в легкие воздуха, как будто собирался что-то сказать, задать неприятный для женщины вопрос, но промолчал.

– Да, и он женат, и Глеб женат... Карма у меня такая!..

Это имеет отношение к делу?

– Ну, не знаю. Может, Леша пообещал развестись с женой, чтобы вы к нему вернулись?

Максим хотел знать, насколько далеко зашел Карцев в своем стремлении вернуть Любу. Женщина она хоть куда, с изюминкой и перчиком – незаурядно красивая, довольно

сексуальная. Может, у Карцева крыша на почве любви съехала?..

– Да нет, не обещал... У него двое детей, он их очень любит... Нет, если бы я поставила вопрос ребром, он бы ушел ко мне.

– Ничуть в том не сомневаюсь, – согласился Одинцов.

– Только зачем это мне?.. Не люблю я его. Ну что вы ко мне все время в душу лезете? – приложив ладони к груди, раздраженно и в то же время умоляюще протянула Люба.

– Профессия у меня такая, – развел руками Одинцов. – И в душу лезть, и по корзинам шариться.

– По корзинам с грязным бельем?

– Ну, я не думаю, что оно и у вас грязное...

– Думаете... Я же вижу, что думаете. По рукам хожу, от одного любовника к другому... – горько усмехнулась женщина.

– Ничего предосудительного, – без тени осуждения, совершенно серьезно сказал капитан.

Женское одиночество в последнее время приняло характер эпидемии, всех без разбора поражает – и красавиц, и дурнушек. Люба не избежала этой напасти. Цену она себе знает, абы за кого выходить не хочет, а достойные мужчины уже заняты, вот и мается, бедная. А может, венчик безбрачия на ней, еще та зараза...

– Думаете? – взбодрилась она.

– Знаю, – утвердил Одинцов.

– Еще кофе?

– Мне можно, – кивнул он. – У меня всенощная.

– А я заснуть не смогу...

Суконцева сварила кофе, поставила чашечки на стол, села, подперев руками подбородок, какое-то время заворожено смотрела на Максима. Затем улыбнулась, как будто собираясь прыснуть со смеху. Но не прыснула. Потянулась к сигарете, закурила.

– Значит, Леша в командировке, – сказал капитан.

– Скорее всего... Он бы не смог... Хотя...

– Что, хотя? – настороженно повел ухом Одинцов.

– Ну, я не думаю, что он мог бы... Сам бы точно не смог...

Но его брат мог бы...

– Брат? – удивился Одинцов.

– Брат у него старший, он в охранной фирме «Визави» работает, знаете такую?

Максим заинтригованно кивнул. Эта охранная компания находилась под полным контролем Лукомора. Вася Баклажан там заправлял со своей бойцовой бригадой. Он мужик с понятиями, не какой-то там отморозок, но и ангелом его точно не назовешь. Ребята у него суровые, отчаянные, и кто-нибудь из них мог приглубить Батыгина.

– Он там замначальника, большой человек.

– Родной брат?

– Вроде бы.

– Так же, Карцев фамилия?

– Ну, наверное...

Одинцов пожал плечами. Не знал он в этой фирме заместителя директора с такой фамилией, но сведения по этой части давно уже не обновлялись. Нет у него такой возможности, чтобы держать под колпаком весь городской криминал, хотя желание, честно говоря, имелось. И стремление тоже.

– А зовут как брата?

– Вадим... А вдруг это он? – Любе самой стало страшно от этой мысли.

– Не исключено.

– Если это он, то я ни при чем! – поспешила откреститься она.

– Очень хочу в это верить.

– Хотите? Но не верите!.. – всполошилась Суконцева. – Если не верите, скажите, зачем это мне? Глеб меня любит, он все готов ради меня сделать. Машину купил, квартиру снял, дом, сказал, простроит...

– Вы его любите? – поинтересовался капитан.

– А это имеет значение?.. Нет, не люблю! – заламывая руки, мотнула она головой. – Ну так я и Лешу не люблю... Я после Валеры никого не смогу полюбить, точно это знаю... Нет, я не любила Глеба, но он мне был больше дорог, чем Леша. Как память о Валере дорог...

Она вдруг ткнулась лбом в стол и затихла.

– А со своей женой он в каких отношениях? – с чувством неловкости спросил Максим.

Похоже, слишком глубоко он залез в душу к женщине, нельзя так. Ясно же, что не было у нее мотива убивать курицу, несущую золотые яйца.

А у Альбины Батыгиной, возможно, такой мотив был, на нее Максим и перевел стрелки, но Люба махнула рукой в ответ на его вопрос. Махнула рукой в сторону двери, и даже головы не подняла.

Максим извинился, оставил номер своего телефона и ушел. С Суконцевой, в принципе, все ясно, пора переключаться на жену Батыгина. И с телохранителем Костей очень хотелось бы поговорить...

Глава 6

До Кольцевой машина шла хорошо, до третьего транспортного кольца худо-бедно дотянули, а там встали намертво.

– На Садовое надо было выезжать, – вздохнул Кустарев и виновато глянул на Одинцова.

Он сам вызвался отвести его в «Склиф» на своей машине, он же и маршрут определял. Но разве можно его в чем-то винить? Пробки в Москве – дело не всегда предсказуемое.

– Знал бы прикуп, жил бы в Париже... – не открывая глаз, усмехнулся Одинцов.

Кустарев еще только лейтенант, но машина у него, можно сказать, генеральская. «Гранд Чероки» двух лет от роду, чистокровный джип. Ход на шоссе быстрый, тихий, ощущение такое, как будто в самолете сидишь, который вот-вот от земли оторвется. И, главное, машина идет очень мягко. И кресла удобные. А Максима после беспокойной ночи тянуло в сон. Так он и ехал – то погрузится в дрему, то вынырнет. И заторы на дорогах как-то не очень его раздражали.

– А что там в Париже хорошего? С Эйфелевой башни плевать? Так я и с Останкинской могу...

– На кого?

– На преступный элемент... Дороги там, в Европе, хорошие. Но узкие. Если наши потоки туда впихнуть, все вста-

нет. Намертво. Так что не надо ля-ля про Европу! Плавали – знаем! – Кустарев ладонью плавно разрубил воздух перед собой.

– Хороший ты парень, Гриша... И не узкий...

И кругозор у парня хороший, и в плечах серьезный размах. Молоко на губах, правда, еще не обсохло, но ничего, жизнь все выветрит. И нежная еще кожа на щеках зачерствеет, и характер. А может, и чрезмерный энтузиазм из головы выветрится. Отец хотел, чтобы Гриша семейным бизнесом занялся, а он в академию МВД поступил. Мог бы, получив диплом, уйти на гражданку, а нет, в полицию, в уголовный розыск напросился. А у отца солидная строительная фирма, он мог бы ее дальше развивать, наращивать семейный капитал. Может, когда-нибудь Гриша все же плюнет на собачью жизнь и займется куда более благодарным делом. Жаль, если это произойдет: парень он перспективный. Опыта не хватает, но это дело наживное...

– Думаете, на Батыгина покушались? – спросил Кустарев.

Максим усмехнулся, глянув на красный «Хендай», который медленно катился впереди. За окном постер: «Ищу мужа!». За рулем сидела худенькая девчонка, светловолосая. А Кустарев этого даже не замечал. Не до романтики ему сейчас, его Батыгин интересуется. Будет из парня толк, если жизнь не обломает...

– В большом бизнесе большие враги. А у больших врагов большие аппетиты. Может, Батыгин кому-то дорогу пе-

решел...

– Запросто! – энергично кивнул парень.

– А чего ты так возбудился? – усмехнулся Одинцов.

– Да надоело за всякой шпаной бегать, а заказное убийство – это серьезно.

– Еще пока не убийство.

Максим узнал о состоянии потерпевшего следующее: ему сделали операцию, перевели в реанимационное отделение. Состояние очень тяжелое, гарантий никто не дает. Но надежда была... Вдруг оклемается, хотя бы на короткое время придет в себя? Может, и на главный вопрос успеет ответить?

– Тьфу-тьфу! – сплюнул Кустарев.

– А мужик он реально серьезный. Оконные заводы по всей стране, – поведал капитан.

– Ну да, «Высший стиль» марка известная. Высокое качество при средней цене. Я отцу звонил, спрашивал... Сейчас окна все кому не лень делают, конкуренция в этом деле высокая.

– Ну вот, видишь.

Пробка потихоньку рассосалась, машина ускорила ход, выкатилась на проспект Мира...

Одинцов хотел поговорить с женой Батыгина, и телохранитель Костя ему был нужен, а времени было мало. Но ему повезло: возле больничной палаты он застал и Альбину Олеговну, и Костю. Они о чем-то говорили между собой – вроде бы тихо, но на повышенных, как могло показаться, тонах.

Она выговаривала ему что-то, нахмурив брови, а он стоял с опущенной головой.

Глядя на Альбину, нетрудно было догадаться, насколько хорошо она выглядела в ранней молодости. Сейчас ей было уже далеко за тридцать, но красота еще только-только начинала увядать. Идеальные черты лица, совершенная линия скул, эталонная фигура, безупречный стиль... Казалось, по части внешней привлекательности она могла дать Любе сто очков вперед. Но так только казалось. При всех своих достоинствах эта красотка не обладала тем огоньком, от которого мужчина мог воспламениться в один миг. Не было в ней того излучения, которое заставляло вибрировать каждую клеточку тела. Во всяком случае, Максим не испытал к ней особого влечения. Так, шелохнулось где-то в низинах души что-то мутное, ускользающее...

– Я вам не помешаю? – спросил он.

Одинцов застал парочку врасплох. Костя дернулся, как жертва на электрическом стуле, а женщина гневно вскинула брови. Как это кто-то посмел перебить ее!

– А если помешаете? – Надо было отдать должное парню, он очень быстро взял себя в руки.

– Вчера тебе тоже помешали? – едко глянул на него Максим.

Можно было не продолжать, Костя и так все понял. Прижух, снова вжал голову в плечи. Не уберег он вчера своего босса, грош цена ему за это. Парень и сам это понимал, по-

этому и поник.

– Кто вы такой? – свысока разглядывая Одинцова, спросила женщина.

Одинцов представился и показал удостоверение. Чисто из вежливости спросил о состоянии больного.

– Спасибо, ужасно! – Батыгина глянула на него так, как будто он был виноват в трагедии.

Она могла бы не отвечать, Максим и без того все знал. Он уже говорил с врачом. Потерпевший впал в кому, и никто не знал, когда он из нее выйдет. Если выйдет вообще.

И еще Максим узнал о характере раны. Не арматурой Батыгина ударили, не обрезком трубы, а чем-то вроде молотка, причем не тупой стороной бойка, а острой. Может, и топориком приложились. И удар был очень сильный... Судя по всему, Батыгина били на поражение. И, возможно, преступники добились своего с небольшой отсрочкой...

– Вы, наверное, понимаете, что на вашего мужа покушались? – сказал Максим.

Не глядя на Костю, он коснулся его предплечья и движением руки показал на Кустарева, который маячил в отдалении у него за спиной. Пусть идет к нему и не мешает разговору. Парень понял все правильно и отвалил в сторону – под присмотр оперативника.

– В смысле, покушение на убийство? – повела бровью Альбина.

– На убийство, – кивнул он.

– Я слышала, что моего мужа ограбили.

– Возможно, ограбление было всего лишь предлогом. Так иногда маскируют заказное убийство.

– И что вы от меня хотите? – нервно спросила она.

– А я от вас что-то хочу?

– Да! Вы смотрите на меня, как будто чего-то хотите!.. Вы меня в чем-то обвиняете?

– А разве я это говорил? – спокойно переспросил Одинцов.

– Вот только не надо тут овцой прикидываться! – скривилась женщина. – Там где убийство, там у вас всегда жена виновата!

– Бывает и такое, – кивнул он.

– Ну вот, а я что говорю! – всплеснула руками Альбина.

– Я бы хотел поговорить с вами о людях, которые, возможно, угрожали вашему мужу...

– Вы следователь? – перебила она.

– Нет...

– До свидания! – Женщина повернулась к нему спиной и легкой грациозной походкой направилась к выходу.

Одинцов недоуменно вскинул бровь, глядя ей вслед. Никак не ожидал он такого демарша. Сама придумала себе обиду на ровном месте, сама же и оскорбилась...

Одинцов не стал заходить в палату. Если бы Батыгин мог что-то сказать, а так смысла не было...

Увлекая за собой телохранителя, Максим вышел на улицу.

Достал сигареты, предложил парню.

– Спасибо, не курю! – надуту пробубнил тот.

– Завидую... Где вчера ночью был?

– Ну, девчонка ко мне приехала, я ее встречать на вокзал ездил.

– Встретил?

– А кто знал, что так будет?.. – заколотился парень. – Да и Глеб Евгеньевич меня отпустил.

– Ты знал, куда он собирается?

– Ну, знал...

– А жена знает, где он был?

– Ну, она спрашивала, как он в Бочарове оказался.

– Сказал?

– Да нет, я по этому делу могила, – с глухой гордостью сказал Костя.

– А если уволят?

– Кто, Альбина?.. Не она меня нанимала...

– А если Батыгин умрет?

– Так это по-любому увольнение. Зачем я Альбине? У нее свое тело... – Костя нахмурился, одергивая самого себя. – В смысле, телохранитель. Глеб Евгеньевич ей женщину нанял...

– Не видел.

– Да она ее в машину отправила... Альбина вас послала? – не зло, но с язвительно насмешкой спросил парень.

Одинцов пропустил вопрос мимо ушей, даже бровью не

повел.

– С ней это бывает... Так она, в принципе, женщина ничего, но иногда на нее находит...

– Преступники знали, что Батыгин был без телохранителя. – Максим перевел стрелки на прямую колею. С Альбиной он как-нибудь сам разберется. – Как ты можешь это объяснить?

– Ну, я не знаю... – загрустил Костя. – Я обычно с ним всегда был... Они бы не напали, если бы я вчера был.

– Но тебя не было.

– Ну, они посмотрели, что мужик без охраны, и наскочили...

– А если они знали, что охраны не будет? – Максим пристально смотрел на громилу.

– Меня подозреваете?.. – разозлился тот. – А зачем это мне?

– Ну, мало ли, вдруг у тебя шашни с Альбиной?

– Чего?! – Костя резко подал тело вперед, будто собираясь навалиться на собеседника, но Максим даже не шелохнулся и глазом не моргнул.

Он сознательно провоцировал парня, зная, с кем имеет дело, поэтому готов был к такому выпадку. И Костя снова воспринял его как непреодолимую преграду и растерянно сдал назад.

– Про какое тело ты говорил? – невозмутимо спросил он. – С кем там Альбина крутит?

– Я говорил?! – В густом басовитом голосе громили про-резались визгливые нотки.

– Если ты хочешь знать, кто покушался на твоего босса, ты не должен ничего скрывать, – жестко отчеканил Одинцов.

– Но я не говорил, что Альбина с кем-то крутит...

– Ты не говорил, ты проговорился.

– Я говорил про телохранителя. Про женщину. Она ее Шуриком зовет...

Криво усмехаясь, Максим покачал головой. Про Шурика Костя сказал ему потом, после того, как в обличительном тоне высказался за какое-то тело. Шурика он подавал в нейтральном свете, а «тело» высмеивал, как и его отношения с Альбиной. Когда опер задает вопросы, ответы он ищет не столько в словах, сколько в глазах, в этих мониторах души.

– Я про Шурика говорил! – с заметной растерянностью мотнул головой Костя.

– Кого ты пытаешься обмануть? – со снисходительным упреком спросил Максим.

– Я не обманываю...

– Главное, чтобы ты себя не обманул. Боюсь, что это у тебя хорошо получается. Босса своего уже подставил, раз. Мне помочь не хочешь, два. Если я сам преступника найду, без твоей помощи, что ты Батыгину потом скажешь?

– Ну, вы найдете. Это же у вас, на вашем участке произошло.

– Найду. Если это наша, бочаровская гопота. А если это

заказуха... Как думаешь, Альбина Олеговна могла своего мужа заказать?

– Ну-у... – замялся парень.

– Как они жили, хорошо, плохо?

– Ну, нормально жили...

– Он гулял, она гуляла – это, по-твоему, нормально?

– Ну, многие так живут, – пожал плечами Костя.

– А она гуляет? – поймал его Максим.

– Да нет... – встрепенулся громила. – Я бы знал... Глеб Евгеньевич дела на самотек не пускает. Он время от времени слежку за женой устраивает... Я даже больше скажу, он на этом деле помешан...

Максим кивнул. Это было похоже на правду. Если Батыгин к Любе хвост приставил, то жену он точно под контролем держит.

– Тогда откуда у нее тело взялось? – пытаюсь скрыть насмешку, спросил он.

– Да я про Шурика говорил! – Костя шлепнул себя ладонями по бедрам.

– А если это тело помогло Альбине решить проблему с мужем!

– Да нет у нее любовника!

– А вдруг?

Костя на несколько мгновений погрузился в раздумья. Возможно, он искал ответ на вопрос, мог ли любовник Альбины поднять руку на Батыгина? А если мог, то с ним нужно

разбираться... Впрочем, Одинцов мог и заблуждаться. Он умел распознавать ход мысли, догадываясь о ее содержании. А догадки, как и опята, могут быть и правильными, и ложными.

– А зачем ей убивать мужа? – громко, как будто для того, чтобы заглушить собственные сомнения, спросил Костя.

– Ты на машине? – поинтересовался Максим, пропустив реплику мимо ушей.

– Ну да, на машине. – Парень махнул рукой в сторону стоянки.

– Пошли.

Костя подвел его к своему подержанному «Пассату». Максим осмотрел машину снаружи, попросил открыть багажник.

– Зачем? – удивленно спросил парень.

– Есть что скрывать? – задал вопрос капитан.

– Нет, но странно как-то...

В багажнике стояла небольшая пластиковая коробка со всякой всячиной, необходимой автолюбителю. Знак аварийной остановки, огнетушитель, аптечка, компрессорный насос, набор ключей, ветошь. Но Максим и не надеялся найти что-то запрещенное. И содержимое багажника его практически не интересовало.

Осматривая багажник, он даже не коснулся машины рукой.

– Как видите, труп нет! – язвительно усмехнулся Костя.

– Капот открой, – скорее попросил, чем потребовал Одинцов.

– А там что, труп может быть? – Выгнув спину, парень приложил к животу ладонь.

Но капот все-таки открыл. Для этого ему пришлось сунуть голову в салон, и пока он выжимал рычажок, Максим втиснул под задний номер электронный маячок.

Он вскользь глянул на предъявленный к осмотру моторный отсек, невозмутимо выслушал язвительный комментарий и отпустил Костю. А Кустареву он велел ехать за ним. Сам же своим ходом отправился в Бочаров. Надо было пробить информацию по Леше Карцеву и его брату.

Глава 7

Мурка в кожаной тужурке, наган в кобуре под мышкой, ресторан, все дела. И до боли знакомая музыка, пронзенная завыванием скрипки. Классика жанра в оригинальном исполнении.

Лукомор удовлетворенно качал головой, глядя на Мурку в едва заметных стрингах под кожаной косухой. Черноволосая длинноногая красотка с ожесточением блатной кошки крутилась вокруг шеста, каблуками высекая искры на сцене. И девка хороша, и танец чудный...

Из полутьмы зала выплыл мордастый телохранитель.

– Дмитрий Андреевич, к вам Семенова, – в почтительном поклоне сообщил он.

Даша не стала ждать, когда босс позволит ей приблизиться к своей персоне, она подошла сама. Но садиться не стала. Подошла к большому мягкому креслу, которое стояла напротив Лукомора, положила папочку на широкую спинку.

Даша представляла собой разительный контраст со стриптизершей на сцене. Та похожа была на черную гюрзу – хищную, агрессивную в своих резких грациозных движениях; глаза как кончики раздвоенного жала со смертельным ядом в них. И фигура у Мурки великолепная – роскошная грудь на фоне тонкого стана и узких бедер. А Даша – белая и пушистая, милая и нежная. Светлые волосы в эффектном каре,

светлый взгляд ясных, василькового цвета глаз, мягкие черты лица, красивая добродушная улыбка. Дорогой, но скромный костюм кремового цвета, туфли на среднем каблуке. Грудь у нее не меньше, чем у Мурки, но вяловатая, и талия далека от идеала, бедра широковатые, ноги короткие, с легкой кривизной. Но если Мурка лишь слегка затронула мужскую струну, то Даша своим появлением разбудила в Лукоморе самца. Может, и не очень красивое у нее лицо, и фигура далека от идеала, но завести пламенный мотор она могла с пол-оборота. Возможно, источник ее сексуальной привлекательности находился в ее натуре – хитрой, хищной, опасной. Стриптизерша всего лишь создавала образ подлунной хищницы, а Даша была таковой на самом деле. Это лишь с виду она такая мягкотелая...

– Развлекаешься? – нежным красивым голосом спросила она.

– Алло, мы ищем таланты! – ухмыльнулся Лукомор, движением рукой приглашая ее присесть.

– И как? – едва глянув на танцовщицу, спросила она.

– Да вроде ничего... Была у меня когда-то такая Мурка...

Лукомор гордился своей шальной молодостью. Терпил на гоп-стоп они брали с той же легкостью, с какой он сейчас мог загнать на шест любую свою танцовщицу. Лавэ поднимали, на малинах гуляли, в кабаках зависали. Зойка у него была, ух, и баба... Кавказцы ее в начале девяностых изувечили. Сначала заженными сигаретами истыкали, затем ли-

цо ножами изрезали. Руки она на себя наложила. Лукомор только-только тогда откинулся. Узнал про Зойку, нашел гадов... Расправа была жестокой, «звери» умирали долго и мучительно...

– Я встречалась с Алферовым, – усаживаясь в кресло, сказала она.

Папку на стол девушка укладывала так, как будто в ней находилась ртуть, которая могла расплескаться по всему залу. И открывала ее с аккуратностью сапера.

Лукомор неохотно возвращался из прошлого в настоящее.

– И что?

– Он согласен на наши условия.

– Кто бы сомневался.

Некто Алферов собрался построить в Бочарове торговый центр, выбил земельный участок под это дело, получил все разрешения, только вот забыл о самом главном. Пришлось напомнить ему, что без ведома Лукомора даже трава на этой земле не растет. Алферов навел справки, сказал, что готов договариваться, и Даша взялась за дело...

Когда-то она была всего лишь секретаршей Лукомора. Он ее взял по рекомендации, как хорошего специалиста. И действительно, Даша показала себя очень хорошо. Сначала она взяла его дела под свой плотный всеобъемлющий присмотр, а затем – и под полный контроль. В какой-то момент Лукомор понял, что не может обходиться без нее. Ум у нее быст-

рый, острый, цепкий. И по трупам, если надо, запросто пойдет...

Он предложил финансирование проекта – на льготных для себя условиях. Алферов не хотел привлекать инвесторов со стороны, но Даша Семенова, несмотря на свой ангельский вид, умела запугивать и убеждать. А если она не справлялась, в дело вступал сам Лукомор со своим арсеналом.

– Шесть бутиков, малый торговый зал под мебель.

Даша выложила свою добычу, Лукомор удовлетворенно кивнул.

– Очень хорошо.

Именно эти объекты он и получит в свою собственность. А там уже будет видно, как использовать выкупленные площади – свой магазин открыть или в аренду их сдать.

– Там в проекте три малых зала. Можно взять и второй, плюс ко всему.

– А не много будет?

– Алферов считает, что много. И уступать не хочет.

– Я бы тоже уперся.

– Я предложила ему реальную цену за все. Он отказался.

Даша не злилась, не выходила из себя, но чувствовалось, что Алферов своим отказом нанес ей смертельную обиду.

– Значит, в этом был резон.

В угол хорошо зажимать жертву на гоп-стопе или на терпиловском разборе, так, чтобы никаких вариантов, а в бизнесе нужно знать меру. Тут свои правила. Не те сейчас вре-

мена, когда беспредел можно творить безнаказанно. Не хотят бизнесмены быть безответными терпилами, тот же Алферов мог свои связи включить – ментов подпрячь или даже киллеров нанять. А Лукомор не из тех, кто готов удавиться за лишнюю копейку.

– Я сдала два бутика в обмен на один малый зал, – сказала Даша. – Опять же, все по полной стоимости. Он отказался.

Голос у девушки был мягкий, ласкающий, а взгляд напряженный, хищные огоньки сверкали в нем. И заслушаться ею можно, и залюбоваться.

Лукомор махнул рукой, прогоняя со сцены голозадую Мурку: не до нее, когда перед ним эта невероятная женщина.

Даша обладала завораживающей энергетикой сильной деловой женщины, но привлекала она не только этим. Девушка брала еще своей неприступностью, пусть и относительной, но все же. Лукомор помнил их первую встречу, она тогда чуть ли не с порога сказала, что в постель к нему не ляжет. Он еще тогда усмехнулся. Не хочет – не надо; и без нее полно было вариантов. Но очень скоро у него начало сводить зубы от вожделения. Даша все видела и понимала, она довела градус его желания до критической черты, тогда и уступила. И сразу же сдала назад. Дескать, и не было ничего. А он очень скоро захотел ее снова, но Даша сдалась не сразу.

И сейчас он хотел ее, но сегодня ему точно не светит. Сегодня он мог взять ее только по беспределу, но с Дашей это невозможно. Не тот она человек, с которым он мог порвать

отношения. Да и лохмачом-насилъником он никогда не был, не та у него натура. Хотя и случалась проруха, чего уж греха таить...

И еще Даша могла отомстить, он это точно знал. Своих спецов у нее не было, но ей хватит ума и решимости нанять киллера на стороне...

– Может, лучше без малого зала, но по льготной цене?

– Не лучше, – покачала головой Даша. – Я тут все просчитала...

Она достала из папки лист бумаги, но Лукомор махнул рукой. Не было у него желания ломать голову над цифрами.

– Я тебе верю... Что ты предлагаешь?

– Слегка надавить на Алферова, – без всякого сожаления мило сказала она.

– Например?

Даша коснулась указательными пальцами своих щек и развела руки в сторону. Дескать, это не ее компетенция. Лукомор – босс, ему решать, кому, как, что и сколько... Но если ей дать полную волю, она и сама могла бы придумать способ, как наказать несговорчивого бизнесмена.

– А если Алферов откажется от проекта? Отфутболит его, и все дела, – предположил Лукомор.

– Он от этого еще больше потеряет... Для начала ты бы мог сам с ним поговорить.

Лукомор кивнул. Поговорить – можно. Даже нужно, если Даша так считает. А если Алферов его разозлит, можно и

наехать...

– Заметано... Как насчет поужинать вместе?

– Не сегодня, – виновато, но без раскаяния улыбнулась Семенова.

– Есть тема для интересного разговора.

У Даши едва заметно дернулась щека. Лукомор действительно мог предложить содержательный разговор на деловую тему, но ей-то известно, к чему он все сведет. И она уже не сможет ему отказать, потому что приняла приглашение на ужин. Так уж у них заведено – сначала ужин при свечах, затем постель. А ей это не очень нравится. Устает она сильно, до предела выматывается. Такая уж она женщина, если что-то делает, то с полной самоотдачей...

У Лукомора уже возникала мысль: может, жениться на ней? Тогда и уламывать ее не придется. А она как раз та женщина, которая нужна ему по-настоящему. Но Лукомор однажды уже был женат, и лучше не вспоминать, чем все это закончилось...

– Завтра?

– Я подумаю.

Даша действительно задумалась, взвешивая «за» и «против». И в этот момент к Лукомору подошел Штрих.

– Максипес подъехал, – тихо, над ухом прозвучал его гнусоватый с хрипотцой голос.

– Нет меня, – скривился Лукомор.

Он хорошо помнил, как мент Одинцов получил свою

кличку. Года три назад это было, Лукомор тогда очень сильно обидел ментов. Штрих тогда с ним был, Гасан и Блин. Ехали в машине, а их гаишники остановили. Обоих ментов разоружили, а на одного еще и помочились. После этого мусора на уши встали, уголовное дело возбудили, но прокурору завезли толстый конверт, и все спустили на тормозах. А через неделю Лукомора и Штриха взяли за жабры. Одинцов это устроил. Прямо среди бела дня, на людях ткнул его носом в грязь. И еще пакетик с кокаином изъял – при понятых, все как положено. Как это ни смешно, подлога никакого не было, Лукомор на самом деле держал на кармане пакет с дурью. Настроение плохое было, вмазаться захотелось... И Одинцов как будто знал это. А мужик он крутой, хватка у него железная.

Он тогда и Лукомора, и Штриха на землю положил. Это была уже их не первая встреча. И с кем дело имеют, они знали. Да и как зовут Одинцова, Штриху было известно. «Максипес, падла! Пес поганый!». Так он тогда выругался. Одинцов, казалось, даже не услышал его, но Штрих почти два месяца провел под следствием. Лукомор отмазался, а начальника его охраны менты мариновали еще долго...

– Он знает, что ты здесь, – покачал головой Штрих.

И выразительно потер переносицу. Максипес – мужик спокойный, непробиваемый, но все-таки его можно вывести из себя. Пару лет назад Штриху это удалось. А рука у Одинцова тяжелая...

– Ты же знаешь, этот сучий хвост не отвяжется, – утвердил

Штрих.

– Ну, хорошо.

– Я пойду? – поднимаясь со своего места, как о чем-то уже решенном спросила Даша.

Казалось, она только рада была воспользоваться моментом, чтобы уйти.

Даша повернулась к Лукомору спиной, когда показался Одинцов. Он был один, без прикрытия, но это не мешало ему двигаться с уверенностью непробиваемого танка. Капитан был не слабой комплекции, но не гигант, впрочем, его внешняя мощь увеличивалась за счет незаурядной внутренней силы, во всяком случае, Лукомор поймал себя на этой мысли. Далеко не всякому мужику шла лысая голова, но для Одинцова – это выигрышный стиль. И смотрелся он так очень хорошо.

Лукомор заметил, как обернулась Даша, когда он прошел мимо нее. В ее глазах мелькнуло восхищение. Но на Дашу это не похоже. Натура она невлюбчивая, нутро у нее фригидное, а тут вдруг такой взгляд. На Лукомора она так никогда не смотрела... Но Максипес на девушку даже не глянул. Не до баб ему сейчас.

Капитан остановился у кресла, которое только что покинула Даша, положил руку на спинку и выразительно глянул на Лукомора. Он, конечно, получит разрешение занять это место, но не сразу.

Какое-то время Лукомор с осуждением разглядывал Одинцова. Явился – не запылился, хоть бы поздоровался для приличия. Кивнул едва заметно головой, вот и все приветствие... Впрочем, что с мусора возьмешь?

– Ну, садись, раз пришел, – с одалживающим видом разрешил вор.

– Это мы еще посмотрим, кто сядет. – Максипес не пытался метать громы и молнии, но в его поведении угадывалась угроза.

– Есть претензии? – поинтересовался Лукомор.

– Есть вызов. Во всем твоём существовании.

– Смелый ты мужик, – усмехнулся Лукомор, взглядом окинув просторный вип-зал для элитных клиентов.

Одинцов пришел без сопровождения, а в клубе хватает людей, готовых и, главное, способных исполнить любую волю своего босса. И холодильник для мясных туш есть. Можно засунуть туда Одинцова, заморозить, а потом порубить на мелкие кусочки и спустить в канализацию. И никаких проблем.

– Улица Седова, дом тридцать два. Что там у тебя? – невозмутимо спросил Максипес.

– У меня? – нахмурился вор.

Игровые залы приносили ему солидный доход, но запрет казино загнал их в подполье, и прибыль заметно упала, да еще и менты напрягают. Но сдаваться Лукомор не хотел.

– Ниточка к тебе тянется, – ответил капитан.

– А иголкой уколоть сможешь?

– Не знаю, но попробовать можно.

Лукомору Одинцов не нравился, но и со счетов его не спишешь. С ментами связываться – себе дороже. Да и ни к чему напрягаться, если даже с этим псом можно договориться.

– Чего ты хочешь? – спокойно поинтересовался Лукомор.

– Поговорить. Начистоту. Вопросов к тебе накопилось. – Мент смотрел на него пристально, но без нажима.

В любом момент, любым способом готов был выжать нужную информацию. А он умел это делать, но вряд ли сегодня что-то получится, если Лукомор не проявит добрую волю. Вор-то может пойти на встречу менту, но только если в том будет резон. Одинцов предложил свою цену – подпольная игровая точка, но, возможно, нужный ему товар стоит гораздо дороже.

– Ну, давай, выкладывай, – пожал плечами Лукомор.

– Кто такой Вадим Карцев? – спросил капитан.

– Не знаю, – ответил Лукомор.

– Хорошо, я подскажу. Вадим Карцев – заместитель директора охранной фирмы «Визави» по технической части. Установка охранных систем, видеонаблюдение и все такое прочее.

– И что?

– Вася Баклажан – друг его детства, – продолжил капитан.

– У Баклажана таких друзей, как мух в навозе, – скривился Лукомор. – Короче можешь?

– На днях был избит некто гражданин Батыгин. На почве ревности. Он не поделил женщину с братом Карцева. Батыгин его избил, отобрал у него любовницу, а он ему отомстил. Через своего брата. Вадим Карцев договорился с Баклажаном, тот дал отмашку своим головорезам, – четко, без сомнений выговаривал Одинцов.

– Я не в курсе, – сознался Лукомор.

– Плохо. Ты должен знать, что там у тебя и как. А то ведь подведет тебя под монастырь твое бычье.

– А это мне решать, что я должен! – вскрикнул Лукомор.

– Ну, наверное, – усмехнулся Максипес. – «Визави» для тебя не самая большая потеря. Ты не разоришься, если эту фирму закроют. А ее могут закрыть. Если кто-то очень этого захочет. Повод есть. Думаю, Фраер будет этому рад.

Лукомор скривился так, как будто находился в кабинете стоматолога.

Он хорошо помнил, как отвоевывал город у Севы Чистика. Пришлось ему повозиться с новорусской братвой. И чужой кровушки попил, и своей немного пролил, но ничего, справился. И так хорошо все было, пока не дал о себе знать подшефный бизнесмен. Леня Никиткин строил дома для московских толстосумов, на этом и поднялся. И дальше пошел – профинансировал избирательную кампанию своего человека, посадил его в кресло городского главы и со временем прибрал к рукам бюджетное строительство в Бочарове. Строительство дорог, укладка тротуаров, покраска фасадов,

ремонт котельных, прокладка теплотрасс, кабельных каналов... Даже вывоз мусора, и тот к рукам прибрал. Телефонию освоил, Интернет – все это в городе только через него работало. Все бы ничего, но Никиткин обзавелся собственной службой безопасности, поднял ее на серьезную высоту. Он мог наказывать и даже устранять неугодных ему людей без оглядки на самого Лукомора. Фактически он бросил вызов теневому хозяину города. До серьезного конфликта дело пока не доходило, но искры уже проскакивали. Лукомор по мелочи занялся рекламным бизнесом – несколько билбордов поставил на главной улице. Даша подсказала эту идею, а Никиткин ее подхватил. И он свои билборды в городе стал ставить, никого не спрашивая. А еще Лукомор занялся платежными терминалами, и Фраер включился в этот процесс. При разговоре Никиткин предложил поделить сферы влияния, Лукомор соглашаться не стал, но и на рожон не полез. А Фраер и билборды ставить продолжает, и платежные терминалы. Связываться с ним опасно: судя по всему, он войны не боится, возможно, даже готов к ней. Карты у него на руках сильные... За ним ведь не только серьезная бригада, но и административный ресурс. А мужик он наглый, хоть и фраер.

– А чему радоваться? – спросил Лукомор.

– Все знают, кто стоит за «Визави», – с гнетущей иронией сказал Одинцов. – Думаешь, Каверину приятно знать, что вор во вверенном ему городе чувствует себя как дома? Нет, его такой расклад напрягает. Поверь, он воспользуется лю-

бой возможностью разогнать «Визави». И Никиткин с удовольствием ему поможет. Вот тогда в городе появится новая фирма с незапятнанной, так сказать, репутацией... Если ты, Дмитрий Андреевич, дашь слабину, тебя и дальше отжимать будут. И воры тебе не помогут. Ты же даже не смотрящий, так, барыга в короне...

– Ты за базаром следи! – угрожающе дернулся Лукомор.

Но Максипес в ответ лишь язвительно усмехнулся. Не боялся мент наполовину развенчанного вора.

Вроде бы повезло Лукомору, смог он попасть в свое время в струю, на коммерческих делах хорошо поднялся, но это сыграло с ним злую шутку. Не поняла его братва, осудила. А ведь он на общак много отдавал... И еще ему предъявили за бригаду, которую он создал для себя. Не должен был вор бандитствовать и напрямую крышевать бизнес, а он пошел на это. Плюс барыжничество... Впрочем, несмотря ни на что Лукомор исправно сливал на общак, и воры на него не наезжали. Даже признали за ним статус смотрящего по городу. В общем, он спокойно делал свои дела, стараясь не привлекать к себе внимание...

– Твои люди избили человека. Без твоего ведома. Это для тебя самого запахло, – выдержав паузу, осуждающим тоном сказал Одинцов.

– Я разберусь! – сквозь зубы процедил вор.

– Этот человек сейчас в коме. Гарантий никто не дает. Возможно, он доживает последние дни.

– Я не при делах! – все тем же тоном отозвался Лукомор.

– Если не при делах, эти отморозки должны явиться с повинной. Ты меня понимаешь? – ответил капитан.

– А условия мне ставить не надо! – грозно рыкнул Лукомор.

Максипес невозмутимо поднялся со своего места, обошел кресло. Но не убрался, хотя и собирался.

– Да, и еще один момент, – без суеты сказал он, скользнув по собеседнику рассеянным взглядом. – Есть одна тема. Банда беспредельщиков. Конюх у них там за главного. С ним же Репень, Армяк, Лютый и Аскар.

– Не знаю таких! – со злости Лукомор готов был дать отмашку охране, чтобы Одинцова вышвырнули из клуба.

Еще чуть-чуть, и он взорвется. А как можно ручаться за себя в бешенстве?

– На них четыре трупа. Если они под тобой, могут возникнуть очень серьезные проблемы.

Еще мгновение-другое, и серьезные проблемы могли возникнуть у самого мента. Но Максипес и не собирался продолжать разговор. Он предостерегающе глянул на Лукомора и ушел, не прощаясь.

Мент убрался, а Лукомор подозвал к себе бармена. Душа требовала водку, так вдруг захотелось напиться.

Одинцов пешком под стол ходил, когда он уже мотал свой первый срок. И сейчас Максипес перед ним сопляк. Потому и обидно, что его приходится воспринимать всерьез.

Глава 8

Если гора не идет к Магомету, ее нужно подтолкнуть. Именно это Максим и сделал, поэтому Вадим Карцев сам явился к нему. Но не с повинной.

– Это какая-то ошибка, начальник! Ни о чем меня Леша не просил! И я никого не избивал!

Он внешне был похож на своего брата – такой же остроносый, худощавый, те же хныкающие нотки в голосе. Его морщинистый лоб, нездоровый цвет лица, желтизна в белках говорили о том, что или с печенью проблемы, или рюмочная для него – дом родной.

– Сам лично, может, и не избивал, – уныло посмотрел на него Максим.

Он-то думал, что Карцев сделает признание, и дело будет раскрыто.

– Сам не избивал! И никого не просил! – Вадим Карцев сомкнул кулаки на груди, жалобно глядя на капитана.

Видно, досталось Карцеву от Лукомора. И еще добавят, если он не сможет оправдаться.

– Кто знает, кто знает. – Одинцов тихонько постучал по столу тупым кончиком карандаша.

– Ну, если надо, я могу взять все на себя! – вздохнул Карцев.

– И не страшно? Это десятка как минимум. А если потер-

певший не выживет, еще больше.

– Делай что хочешь, начальник! – Бедолага уронил голову на грудь.

– Леша где?

– Так в командировке...

– Знаешь про его любовницу? – спросил Одинцов.

– Ну, знаю... Только он меня ни о чем не просил!.. – Карцев клятвенно скрестил на груди ладони.

– А жена его знает?

– Ну-у... В общем, да... Там у них целая трагедия...

– Ладно, иди, трагедия! – Одинцов устало махнул рукой в сторону двери.

Не тот он человек, этот Карцев, чтобы проломить голову человеку. Слишком у него хлипкая натура для этого. Слабак он, поэтому Вася Баклажан послал бы его на три буквы вместо того, чтобы выделить ему в помощь грубую физическую силу.

– Это... А расписку? – нервно дернул щекой Вадим.

– Какую расписку? – поинтересовался Одинцов.

– Ну, в том, что я доказал свою невиновность...

– С печатью? – стараясь не выказывать удивления, спросил Одинцов.

– Ну, желательно, – на полном серьезе ответил Карцев.

– Кровь нужна. Хотя бы пару капель.

– Зачем?

– Тебе же для братвы нужна расписка?

– Ну да.

– А братва только кровь признает... Палец, давай, кровь брать будем, – с той же серьезностью велел Максим.

Он достал из ящика стола пистолетный шомпол, а Карцев протянул правую руку, выставив указательный палец. И делал он это настолько бесхитростно, что у Одинцова не осталось никаких сомнений насчет него.

– Извини, спирта нет. Без спирта нельзя. Завтра будет. Завтра за распиской и зайдешь. Все, гуляй! – отправил его капитан.

Максим с усмешкой качнул головой, глядя, как закрывается дверь за Карцевым. Не нужна ему никакая расписка, достаточно будет рассказать про кровь и спирт, чтобы братва сделала правильный вывод. Тот же Баклажан поймет, какой он идиот, этот Вадим Карцев. Если поймет, с мужика тут же снимут все подозрения. Наверное.

Только за Карцевым закрылась дверь, как в кабинет зашел Бартенев. Стройный, подтянутый, молодцеватый. Наглаженный, причесанный, сияющий. На конкурсе начальников уголовного розыска он запросто мог взять титул «Мистер Уставное Очарование».

Максим кивнул, давая знак, что признает в нем своего начальника, причем сделал это без всякой иронии, но со стула не поднялся.

– Кто там у тебя был? – нахмутив брови, спросил Бартенев.

– Брат Карцева, – деловито ответил Одинцов.

Но с тем же успехом он мог и промолчать: все равно Бар-
теньев не знал, кто такой Карцев.

– Ты его бил?

Максим взял ручку, лист бумаги. На глупые вопросы он не отвечает, это раз. А во-вторых, ему нужно отписаться по делам, которых в отделе пруд пруди. Работы много, и пусть Бартеньев не мешает.

– А почему он такой напуганный? – продолжал допрос майор.

– Это не испуг. Это радость. Со слезами на глазах. И с судорогами на лице.

– Кустарев где?

– В работе, – ответил Максим.

– Дался тебе этот Батыгин, – скривился Бартеньев. – Ясно же, гопники это какие-то, а ты заказуху ищешь.

– Нет ясности, – покачал головой Одинцов. – Были бы гопники, была бы ясность.

Он уже забросил удочки в криминальный омут Бочарова. И со своими агентами поработал, и самого Лукомора потрянул. Дмитрий Андреевич мужик неприятный, с опасными тараканами в голове, но с законом старается не конфликтовать. Может, и возникло у него после вчерашнего желание задушить Максима, но Карцева он к нему сегодня пригнал. И насчет Батыгина справки наверняка навел. Если не Карцев его сделал, то кто... Будь это свои гопники, Одинцов уже

знал бы ответ. Но пока глухо. Значит, чужие. И, возможно, не просто гопники...

– Ну, за всем не усмотришь. Может, не разглядел ты черную кошку в темной комнате.

– Если она там была... – нахмурившись, ответил Одинцов.

На поясе завибрировал телефон. Капитан расчехлил мобильник, глянул на дисплей.

– Да, Гриша.

– Товарищ капитан, тут такое! – Голос Кустарева звенел от восторга.

– А короче?

– Кажется, у Батыгиной есть любовник! Мазуров к нему разбираться пошел! И она там!

– Он сейчас у него?

– Да, пока не выходил!

– Называй адрес! – Одинцов решительно поднялся со своего места.

Он запомнил адрес, вернул телефон на место, но беспрепятственно кабинет покинуть не смог.

– Ты куда? – строго спросил Бартенев.

– Оперативная необходимость. Если разрешаешь, – стараясь не ерничать, сказал он.

– Я с тобой!

В этот момент майор был похож на салагу, который обрел вдруг долгожданную возможность постоять за штурвалом. И

еще он переживал, что Максим не возьмет его в разведку. А почему не взять? Он при полном параде, в общении с Батыгиной это пригодится. Да и машина у него служебная, с мигалками, а в Москве пробки.

Мигалку Бартеньев включил сразу за Кольцевой, но вскоре нужда в ней отпала. Чем ближе к центру, тем больше простора на дорогах, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Раз на раз не приходится.

Кустарев ждал их возле элитного дома на Красной Пресне, у подъезда с видеокамерой под козырьком. Высотный, красивый дом, с косметологическим центром во встроенном в первый этаж корпусе.

– Там он! – сказал Гриша, кивком головы показав на дверь. – Тихо там! Может, прибили!

– А было громко?

– Было. Мазуров наехал, тот в ответ заорал. Потом женский голос был...

– Чей голос?

– Ну, я думаю, Батыгиной.

– Ты ее видел?

– Да, но не в квартире... – Он взглядом показал на мраморное крыльцо с хромированными перилами, над которым красовалась вывеска косметологического центра.

Это был рабочий вход для сотрудников центра, и на огороженной площадке стоял жемчужного цвета внедорожный «Порше».

– Мазуров подъехал, я за ним, – рассказывал Кустарев. – Он долго стоял. Когда «Кайен» подъехал, из него вышла Батыгина со своей телохранительницей, в салон зашла. А потом и Мазуров зашел, ну, в подъезд. Я за ним... Квартира на втором этаже, и косметология частично второй этаж занимает. Вот я и подумал... Может, прямо из салона в эту квартиру попасть можно. Через тайный вход. Из кабинета Батыгиной в квартиру к ее любовнику.

– Тайный вход? – удивленно повел бровью Одинцов.

Если в это и можно было поверить, то с трудом. И под градусом.

– Ну а что!

– Баба тебе, Гриша, нужна, – усмехнулся Максим.

Хорошая женщина – отличное средство от юношеских эротических фантазий.

– Да я серьезно! – обиженно протянул Кустарев.

– Ну, тогда пошли, если серьезно...

Гриша уже успел завоевать расположение старушки-консьержки, поэтому на второй этаж оперативники поднялись беспрепятственно. И Бартенев с ними.

– Паша, будешь за участкового! – сказал Максим начальнику, ничуть не сомневаясь в своем праве отдавать распоряжения. Сейчас он здесь главный, а если Бартеневу что-то не нравится, его никто не держит. – Ты у нас в форме, тебе поверят!

Но тот и не думал сопротивляться. Оправив китель, он

решительно нажал кнопку звонка.

– Чего надо? – мужским басом спросил динамик переговорного устройства с глазком видеокамеры над ним.

– Майор Бартеньев, начальник отдела участковых уполномоченных. Шумно у вас в квартире, соседи жалуются.

– Где шумно? Нормально все.

– Не уверен. Откройте дверь, гражданин! – грозно нахмурив брови, потребовал Бартеньев.

– А на каком основании? – послышалось из динамика.

– Будет основание. И спецназ будет. Дверь потом новую придется ставить!

– Ладно, уговорили...

Прошло еще минуты три, прежде чем дверь открылась. За порогом на широко расставленных ногах стоял в меру высокий парень с голым, хорошо прокачанным торсом. Круглое лицо, курносый нос, глазки как черные пуговицы. Вид запыханный, но этому можно было дать объяснение – на одной руке у него была перчатка для кикбоксинга. Видимо, с боксерской грушей спарринговался. Но почему тогда пот с него градом не валит? Так, легкая испарина на лбу... Возможно, тренировка только-только началась. Но тогда где Костя Мазуров? Может, он с ним боксировал?

– Я тут размяться решил, потому и шумно было. Больше не буду, – сказал качок, натянув на лицо извинительную улыбку.

– А гражданин Мазуров где? – строго спросил Бартеньев.

Хотя его об этом и не просили.

– Какой Мазуров? – заметно растерялся парень.

– Гражданин Мазуров к вам заходил, с ним вы и шумели.

– Кто вам такое сказал? Не приходил ко мне Мазуров!

– И вы его не знаете?

– Ну, знаю... Но не было его сегодня!

– А что делает его машина возле вашего подъезда? – чувствуя ложь, спросил Одинцов.

– Не знаю!.. Да вы зайдите, посмотрите! Нет его!

Максим кивнул и шагнул к раскрытой двери, но качок вытянул руку, преграждая ему путь.

– Э-э, нет! Пусть товарищ майор заходит! Он в форме, а вас я не знаю!

Бартеньев глянул на Одинцова с легким торжеством. Дескать, он здесь начальник, ему и флаг в руки. Он зашел в квартиру, минут через пять вернулся. Качок закрыл за ним дверь, Максим слышал, как защелкиваются замки.

– Действительно, в квартире у гражданина Стужина никого нет! – с упреком глянув на Кустарева, сказал начальник отдела.

– Но я знаю, что Мазуров там был! И не выходил он оттуда!

– Я всю квартиру осмотрел, нет никого!

– Значит, плохо смотрели! – Уязвленный Гриша занес руку, чтобы постучать в закрытую дверь.

– Кустарев! – одернул его Бартеньев.

Кустарев будто очнулся, вменяемо посмотрел на него.

– Извините, товарищ майор!.. Товарищ капитан!.. – На Одинцова он глянул с одержимостью заикленного на своей правоте человека. – Я знаю!.. Там тайный ход!.. Я сейчас!

Он со всех ног рванул вниз, и Одинцову ничего не оставалось, как последовать за ним.

Гриша ворвался в косметический салон через служебный вход. Охранник пытался остановить его, но Кустарев ткнул ему в лицо раскрытые корочки. А недовес в собственных полномочиях он с лихвой компенсировал безудержной нахрапистостью. Он рвался в кабинет директора, и никто не смог его остановить. Одинцов просто следовал за ним, с интересом наблюдая за его действиями. В запале он и сам был таким...

Кустарев прорвался в приемную директора. Там за компьютером стучала по клавиатуре миловидная секретарша, а в кресле, забросив ногу за ногу, сидела коротко стриженная девушка с четкими, пропорциональными, но грубыми чертами лица. Примерно такая же стрижка была и у Любы, но разве можно было сравнивать этих двух женщин? Люба – сама женственность, а эта – типичная муж-лесбиянка. И ее внешность наводила эту мысль, и взгляд, которым она смотрела на секретаршу. Так мужчина смотрит на хорошенькую женщину.

Видимо, не зря телохранительницу Альбины звали не Шурой, а Шуриком.

Коротко стриженная сорвалась со своего места, но не успела преградить Кустареву путь. Гриша получил возможность с ходу, без разрешения вломиться в кабинет Батыгиной, но дверь, увы, была закрыта.

А Шурик не собиралась ждать, когда он сломает дверь. Одной рукой она схватила парня за шиворот, другой за ремень под джинсовой курткой. Она весила чуть ли не вдвое меньше, чем Гриша, но это не помешало ей швырнуть его на пол с такой легкостью, как будто он был мешком, набитым соломой.

Не успел Кустарев среагировать на изменение обстановки, за это и поплатился. Но, падая, он увлек за собой и телохранительницу Батыгиной. Шурик не смогла удержаться на ногах, упала, но тут же вскочила. И сразу же попала в оборот. Боевым самбо Максим занимался давно, и одно время – профессионально. Он поймал девушку, взял ее на прием. Надо отдать ей должное, она попыталась вырваться из захвата и даже смогла нейтрализовать крутящий момент, но все равно оказалась на полу. Одинцов заломал Шурика, а Кустарев надел на нее наручники. Нападение на представителя власти – это статья уголовного кодекса, а значит, за основаниями для задержания ходить не надо. И не важно, поддерживал Максим самодеятельность своего подопечного или нет.

Дверь взламывать не пришлось, она открылась сама.

– Что здесь такое? – возмущенно спросила Батыгина.

Красивая она женщина, достойная поклонения, но Гриша

едва глянул на нее.

– Пардон! – извинился он, заталкивая ее обратно в кабинет.

Парень вошел в раж, и остановить его, казалось, могла только пуля, и то не всякая.

Он ворвался в кабинет, обогнул длинный стол, открыл створку платяного шкафа.

– Что вы себе позволяете? – истерично взвизгнула женщина.

Максим заметил, как на ее лице выступили красные пятна.

– Ну вот, а я что говорил! – торжествующе воскликнул Кустарев.

Он вытащил из шкафа связанного по рукам и ногам Костю Мазурова. Парень был жив, но голову стягивала плотная бинтовая повязка с проступившим на ней пятном крови.

– Гражданка Батыгина, надеюсь, на этот раз вы согласитесь отвечать на мои вопросы? – взяв женщину за руку, строго спросил Одинцов.

Он искренне гордился своим коллегой, который пошел на риск, чтобы доказать свою правоту. И собой он был доволен: не подвело его оперативное чутье, и не зря он приставил Кустарева к Мазурову.

Глава 9

Обморочный взгляд, беспомощное выражение лица, бессильная злоба в уголках губ выдавали не лучшее состояние Батыгиной. Она немощно повела рукой в поисках опоры. Максим подставил ей кресло, выдернув его из-под приставного стола.

– Это что здесь такое? – громким командным голосом спросил Бартеньев.

Он обращался к Одинцову, а смотрел на Батыгину – с восхищением. Во взгляде фонтанировало желание рисоваться перед красавицей, но Максим должен был лишить его этого удовольствия – обстановка того требовала.

– Товарищ майор, шли бы вы... обратно, – тихо сказал он, вплотную подступив к своему начальнику. – Подъезд перекрыть надо, чтобы Стужин не ушел.

– А он не должен уйти? – спросил Бартеньев, глядя, как Гриша развязывает Мазурова.

– Надо заблокировать подъезд. – Одинцов смотрел на него не терпящим возражений взглядом.

Не та сейчас ситуация, чтобы выяснять, кто из них здесь начальник. Не время вдаваться в объяснения, когда дорога каждая секунда.

– И чем быстрее, тем лучше! – поторопил капитан.

Бартеньев не выдержал его взгляд и покорно повернул на-

зад. Даже шаг ускорил. А Максим вернулся к Батыгиной.

– Где у вас тут потайная дверь?

– Да там она! – сказал Мазуров, рукой показав на шкаф, из которого его вытащили.

Он кривил лицо, как будто каждое произнесенное слово доставляло ему невыносимое страдание.

– Гриша, присмотри! – велел Одинцов, кивком головы показав на Батыгину.

Сам он подошел к гардеробному шкафу, глянул внутрь. Одежда на плечиках занимала здесь только половину пространства, и вся она была сдвинута вправо, чтобы оставался проход слева. Но проход этот закрывала задняя панель. Максим заметил выступ, на котором смутно угадывались потертости от пальцев, зацепился за него, сделал усилие, и панель отошла в сторону. Шкаф остался без задней стенки, и капитан увидел деревянную дверь, которую без труда откатил в сторону.

Это и был тайный выход в квартиру Стужина. Максим попал в шкаф, в котором задней стенки не было вообще. Он открыл створки шкафа и попал в большую светлую комнату с роскошной мягкой мебелью.

Одинцов услышал щелчок, с которым закрылась входная дверь. Это Стужин, услышав подозрительные звуки, бегом покинул свой дом. Максим бросился за ним и догнал его во дворе.

Парень рвался к своей машине, но подоспевший Барте-

ньев пытался его удержать. Пистолета у майора не было, а в рукопашную с качком он вступать побоялся.

– Гражданин, вы арестованы! – кричал он, пытаясь заломить за спину руку беглеца.

Стужин вырвался из захвата, оттолкнул Бартеньева, но тот быстро восстановил равновесие и подставил качку подножку. Парень споткнулся, но на ногах удержался. И продолжил путь.

– Стоять! – заорал Бартеньев.

На этот раз он запрыгнул на Стужина, схватив его за шею. Но ему явно не хватало силы и сноровки, чтобы удержать его в захвате. Еще бы чуть-чуть, и парень сбросил бы с себя это ярмо. Но подоспел Одинцов, лишив беглеца вполне реальных шансов на спасение.

Бартеньев форсил в наглаженной форме налегке – без оружия и наручников. Но «браслеты» были у Максима, ими он и украсил крепкие широкие запястья Стужина.

– В машину его! – с гордостью за себя распорядился Бартеньев, взглядом показав на «Форд».

Под глазом у майора надувалась шишка, фуражка валялась на земле, но это не мешало ему чувствовать себя победителем. Впрочем, Одинцов и не думал умалять его заслуг.

Стужина затолкали в машину, Бартеньев остался с ним, а Максим вернулся в кабинет к Батыгиной.

Шурика он в приемной не нашел и в кабинете тоже. И непонятно, куда она делась. Возможно, сбежала – вместе с

наручниками. Что ж, тем хуже для нее.

Батыгина сидела за приставным столом – в той же позе, в которой оставил ее Максим. Мазуров полулежал на кожаном диване, он двумя руками держался за голову.

– Я «Скорую» вызвал, – сказал Кустарев. – У него там, похоже, серьезно.

– Так бутылкой по голове шарахнули! – скривился Костя, взглядом показав на шкаф, за которым находилась квартира Стужина. – Из-под шампанского. Если бы полная была, а то пустая...

– Голова пустая? – с подковыркой спросил Одинцов.

– Да нет, бутылка.

– Интересная арифметика, ноль на ноль дает ноль, а пустотой по пустоте – больно... Я же тебя просил, скажи, кого ты подозреваешь? Сам решил разобраться?

– Ну, думал, что смогу...

– Кто ударил?

– Да Эдик, мать его... Эта зубы заговорила, а он бутылкой по башке! – Мазуров зло глянул на Батыгину.

И Одинцов посмотрел на нее с осуждением.

– А вашего мужа кто по голове ударил? – резко спросил он.

– Не знаю! – зыркнула на него женщина.

– Ваш любовник его ударил. – Максим, казалось, ничуть в том не сомневался.

– Нет! Эдик здесь ни при чем!

– А он ваш любовник? – усмехнулся Одинцов.

Батыгина дернулась, как будто ей за шиворот плеснули холодной воды.

– Нет!

– А кто же он тогда?

– Не ваше дело! – зло отозвалась женщина.

– И в гости вы к нему не ходили, да?

– У нас деловые отношения!

– Аж по самые помидоры! – съязвил Мазуров.

– Закрой пасть, скотина! – обнажив свое дикое нутро, сорвалась на него Батыгина.

В это время в кабинет заглянул офисный охранник.

– Альбина Олеговна, у вас все в порядке? – с глуповатым выражением лица спросил он.

– Да где ж в порядке, идиот? – вспыхнула она. – Ты что, ничего не видишь?

Охранник угрожающе глянул на Максима и ушел. Возможно, за подмогой. А может, он собрался вызвать наряд из местного ОВД или поднять тревогу через пульт вневедомственной охраны. В любом случае, могли возникнуть осложнения.

– Давай на улицу! – обращаясь к Кустареву, Максим выразительно посмотрел на Мазурова. – Там «Скорую» дождетесь. А мы здесь побудем.

Он должен был допросить Батыгину, а Гриша поработать с Костей, а потом они сравнят показания, сделают выводы.

Бартеньев занимался Стужиным. Работа идет, и она не должна останавливаться.

Кустарев ушел, и Одинцов закрыл за ним дверь.

– Хорошо вы тут устроились, Альбина Олеговна. Муж за вами снаружи следит, а у вас тут все внутри.

– Не твое собачье дело! – огрызнулась Батыгина.

– Я так понял, вы предлагаете мне перейти на «ты», – усмехнулся Максим.

– С чего бы это? – скривилась женщина.

– А вдруг сейчас у вас нет человека ближе, чем я? Муж ваш в коме, любовник арестован, Мазуров тоже вам не помощник. Остаюсь я. От меня сейчас зависит, сядете вы или нет. Возможно, я поверю, что Стужин покушался на вашего мужа по собственной инициативе. Может, вы и знать об этом не знали.

– Эдик не покушался на моего мужа!

– Эдик сейчас общается с майором Бартеньевым, а ему палец в рот не клади. Наш майор вашего Эдика на раз-два расколет. Бартеньев еще тот волчара, одна беда – родовая травма лишила его чувства юмора. Он палец реально может откусить, а Эдику это нужно?.. Если Эдик вас сдаст, Бартеньев тут же поставит вопрос о привлечении вас под стражу. А это тюрьма – горькие слезы, кислая баланда, сладкие грезы по ночам под пыльным одеялом... А Эдик вас сдаст, я в этом почему-то не сомневаюсь. И никто не подскажет ему, что лучше всего взять вину на себя. Если вы останетесь

на свободе, Эдик может выйти из тюрьмы миллионером. Ну, например, двести тысяч евро за год заключения, через пятнадцать лет... Давайте не будем считать, сколько это будет. Жизнь сама подсчитает... Кстати, неплохой для вас выход... Даже не знаю, что делать. Может, дать вам возможность договориться с Эдиком?

– Уровень вашего бреда зашкаливает, – ехидно усмехнулась Альбина.

И мельком глянула на закрытую дверь. Похоже, она ждала спасения извне.

– Ну, хорошо, пойдём послушаем, что говорит Эдик.

Максим взял Батыгину под локоток, подвел к шкафу. Как перемещаться из одного помещения в другое, она знала лучше него.

Артачиться женщина не стала: ей и самой интересно было увидеть и услышать Стужина. Одинцов провел ее в квартиру, закрыл за собой створки шкафа, задвинул заднюю панель и дверь, чтобы никто не вышел в квартиру по его следу.

– Как это лучше назвать, квартира отдыха или гнездо порока? – с иронией спросил он.

– Да, я здесь отдыхаю в свободное от работы время...

Альбина прошла из гостиной в просторную прихожую, заглянула в спальню, открыла дверь в комнату, оборудованную под тренажерный зал.

– А где Эдик?

– Так его и не должно быть здесь. Или вы отдыхаете с

ним? – усмехнулся Максим.

– Хватит меня терроризировать! – взглядом выстрелила Альбина.

– Я думаю, Глебу Евгеньевичу не понравится эта ваша квартира отдыха. Особенно если он узнает, с кем вы здесь отдыхаете... А вдруг не узнает? Вдруг Стужин захочет взять вину на себя? Он сейчас во дворе, в машине, еще не поздно поговорить с ним...

На самом деле Максим не собирался помогать Батыгиной. Если она виновата в покушении на своего мужа, пусть отвечает по всей строгости закона. Намекая на содействие, он пытался играть на измененных инстинктах человека. А в Батыгиной была гнильца, и совсем не жаль, если она поскользнется на ней.

– Нечего ему брать на себя. Не трогал он моего мужа!

Альбина не велась на приманку, но всему свое время.

– Вы уверены, что то же самое он говорит майору Бартедьеву?

– Так, а почему мы здесь? Я хочу отсюда уйти! – Батыгина повернула обратно к шкафу, но Максим взял ее за руку.

– Может, не будем торопиться? Поспешешь – людей насмешишь! Но я думаю, вашему мужу будет не до смеха, если он узнает об этом вашем гнездышке. А он узнает, если вы не побережетесь... Или вам все равно?

– Да нет, не все равно, – заинтригованно посмотрела на него Батыгина.

Она высвободила руку, зашла на кухню, но тут же повернула назад. И Максим понял, почему. Стул там перевернутый лежит, осколки от бутылки, пустая упаковка от бинта. Здесь ударили Мазурова, здесь ему и первую помощь оказали – возможно, после того, как связали.

Одинцов провел женщину в гостиную, там она села в кресло.

– Сейчас подъедет следственно-оперативная группа, – сказал он. – Будем разбираться, кто покалечил Мазурова.

– Ваше право, – косо глянула на него Батыгина.

– И право, и обязанность... Вы видели, как Стужин ударил Мазурова?

– Видела, – опустив голову, сказала женщина.

– Зачем он это сделал?

– Мазуров много на себя взял.

– А конкретно?

– Ворвался к Эдику, устроил здесь концерт... Эдик хотел выставить его за дверь, но не смог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.